

ТРИ ВЫСОКИЕ ЖЕНЩИНЫ

*Пьеса в 2-х действиях.
Перевод Романа Мархолия.*

Действующие лица:

А: очень старая женщина; худая, властная, высокомерная, насколько это возможно в ее возрасте. Ярко-красные ногти, изящно уложенные волосы, макияж. Красивая ночная рубашка и пеньюар.

Б: напоминает А в 52, одета просто.

В: напоминает Б в 26.

Молодой человек: 23 или около этого; приятно одет (*пиджак, галстук, рубашка, джинсы, легкие кожаные туфли и т. д.*)

Место действия:

"Богатая" спальня во французском вкусе. Пастельные тона, с преобладанием голубого. Кровать посередине в глубине сцены с небольшой скамеечкой в ногах. Кружевные подушки, красивое покрывало. Французская живопись XIX века.

Два небольших кресла, красиво покрытые шелком. Если есть окно - шелковые шторы. Пол, покрытый ковром постельных тонов. Две двери, одна налево, другая направо.

Сводчатые проходы, ведущие к каждой из них.

Акт первый

По началу А в левом кресле, Б в правом, В на скамеечке у кровати. Время после полудня. Молчание.

А. *(Из ниоткуда в никуда):* Мне девяносто один.

Б. *(Пауза)* Неужели?

А. *(Пауза)* Да.

В. *(улыбаясь):* Тебе девяносто два.

А. *(Более длинная пауза; не слишком приветливо)* Пусть так.

Б. *(к В)* Это правда?

В. *(Пожимает плечами; показывает бумаги)* Здесь так сказано.

Б. *(Пауза.)* Ладно... Какое это имеет значение?

В. Странная мелочность!

Б. Все забывается.

А. *(Как прежде.)* Мне девяносто один.

Б. *(Со вздохом)* Да.

В. *(с усмешкой)* Тебе девяносто два.

Б. *(индифферентно)* О..... не надо.

В. Нет! Это важно. Чувство реальности...

Б. Это не имеет значения!

В. *(про себя)* Для меня имеет.

А. *(Пауза)* Я это знаю, потому что он говорит: "Ты ровно на тридцать лет старше меня; Я знаю, сколько мне лет, потому что я знаю, сколько тебе и если ты даже забудешь, сколько тебе, спроси, сколько мне и ты узнаешь. (Пауза.) О, он это говорил много раз.

В. А, что если он ошибается?

А. *(Сдержанно; постепенно разгораясь; все громче и громче)* Что?

Б. И такое бывает.

В. *(по-прежнему к А.)* Что если он ошибается? Если он младше тебя не на тридцать лет?

А. *(неожиданно громко; грубо)* Представь себе, он прекрасно знает, сколько ему лет.

В. Нет, я имею в виду ... что, если он ошибается насчет твоего возраста.

А. *(Пауза)* Чушь. Как же он может быть не на тридцать лет младше меня, если я на тридцать лет старше его. Он все время говорит об этом. *(Пауза)* Всякий раз, когда приходит навестить меня. Какое сегодня число?

Б. Сегодня *(называет тот день, который есть в действительности).*

А. Да?!

В. *(как к ребенку):* Ну, хорошо, один из Вас может ошибаться, и вполне вероятно, что это не он.

Б. *(Легкая усмешка)* О, этот Он.

В. *(Мимолетная улыбка).* Да; Знаю-знаю.

А. Не умничай. Что сегодня? Какое сегодня число?

Б. *(Называет тот же день).*

А. *(Качает головой):* Нет.

В. Что нет?

А. Нет и все!

Б. Хорошо.

В. А как ты думаешь, какое сегодня число?

А. *(Смущенно)* Какое число? Какое число я ... *(Глаза сужаются).* Ну что ж, сегодня- это сегодня, конечно. А как по твоему? *(Оборачивается к Б; хихикает)*

Б. Bravo, девочка!

В. Что за ерунда! Какая глупость.....

А. Не смей говорить со мной таким тоном!

В. *(Обиженно)* Прошу прощения!

А. Я плачу тебе, не так ли? Ты не можешь говорить со мной таким тоном.

В. Все относительно.

А. В каком смысле?

В. Ты платишь не мне лично. Ты платишь кому-то, кто платит мне, тому, кто...

А. Не все ли равно. Ты не смеешь говорить со мной таким тоном!

Б. Она и не говорит.

А. Что?

Б. Никаким таким тоном она и не говорит.

А. *(отсутствующая улыбка)* Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. *(Пауза).* Совершенно. Молчание. Потом А плачет. Они не мешают ей. Сначала от жалости к себе, а потом ради самого процесса, и, наконец, с яростью и отвращением к происходящему. Это длится довольно долго.

Б. *(Когда это закончилось):* Ну, вот. Теперь лучше?

В. *(шепотом)* Признайся же.

Б. Выплачешь все до дна, и как рукой снимет.

А. *(Смеется; лукаво):* а если не до дна, что тогда?
Она смеется снова; Б присоединяется к ней.

В. *(Качает головой, восхищенно)* Иногда ты такая...

А. *(Угрожающе; резко)* Какая?

В. *(Маленькая пауза).* Да нет. Я чуть было не сказала комплимент. Но это уже не важно.

А. *(Обращаясь к Б).* Что она говорит? Все время что-то бормочет.

В. Я не бормочу. *(С досадой на себя).* Все это неважно!

А. Кто-нибудь разберет, что она мямлит?!

Б. *(Успокаивая).* Она просто не закончила свою мысль. Но это не имеет значения.

А. *(Маленький триумф).* Готова поклясться, что не имеет.

В. *(Настойчиво, но не грубо).* Все, что я хотела сказать, это то, что можно ошибаться насчет своего возраста, особенно если давно уже сбилась со счета, но к чему скрывать один год...

Б. *(Утомленно).* Оставь ее. Пусть думает, как хочет.

В. Не оставлю.

А. Как я хочу?

В. Зачем скрывать один год? Могу понять или хотя бы попытаться, когда скидывают десяток. Ну ладно - семь или пять - мило, остроумно - но один?! Врать на один год? Что за странные амбиции?

Б. Ну, разошлась.

А. *(Передразнивает):* Разошлась.

В. *(Поджав губы):* Разошлась. Я могу понять десять, пять, или семь, но никак не один.

Б. Понеслось.

А. *(К В):* Понеслась *(К Б)* Куда понеслась?

Б. Ее понесло.

А. *(Жизнерадостно):* Да; ее понесло!

В. *(Улыбаясь):* Да.

А. *(Внезапно, но не панически):* Я хочу выйти.

В. Пронесло?

А. *(настойчиво):* Мне надо выйти. Я хочу выйти.

Б. Ты хочешь выйти? *(Встает).* Судно? Тебе нужно судно?

А. *(Смущается говорить об этом):* Нет... Н-е-е-е-т!

Б. А-а. *(Обращается к А).* Ясно. Ты сможешь сама?

А. *(Плаксиво):* Я не знаю!

Б. Ну ладно, мы тебе поможем. Да? *(Указывая на ходунки для инвалидов).* Дать ходунки?

А. *(Почти плачет)* Мне надо выйти! Я не знаю! Как угодно! Я хочу выйти!

Б. Хорошо!

Б поднимает А на ноги. Мы видим, что левая рука у А на перевязи, бездействует.

А. Ты делаешь мне больно! Больно!

Б. Хорошо! Я буду осторожна!

А. Да, как же!!

Б. Буду!

А. Не будешь!!!

Б. *(Сердито)* Буду!

А. Нет, не будешь! *(Стоя на своих ногах, рыдая, плетется с помощью Б.)* Ты нарочно делаешь мне больно. Ты знаешь, что мне больно!!

Б. *(К В. выходя):* Побудь за хозяйку.

В. Хорошо. Побуду.

Приглушенные звуки передвижений за сценой. В смотрит в том направлении, качает головой, кажется, что она отступила.

В. *(Продолжает; одновременно и про себя и вслух):* Вероятно, можно скрывать и один год - что-то вроде самоутверждения, тайная месть, какая-то маленькая победа, может быть. *(Пожимает плечами.)* Не знаю, наверное, такие вещи и имеют значение. *(Она садится в кресло А).* В конце концов, это не мое дело.

Б. *(Возвращается):* На сей раз успели. *(Вдыхает)* Такие дела.

В. Не всегда успеваете?

Б. Утром, как только проснется - писается. Что-то вроде, здарсьте; думаю: просто у нее в голове неполадки. Происходит-то это ни ночью, а только, когда проснется.

В. Здравствуй, утро, не так ли?

Б. Что-то вроде этого.

В. Подложи ей пеленку.

В. *(Качает головой):* Она не захочет. Я пыталась, но она не дает.

В. Клеенку?

Б. Ну, что ты. Поднимешь ее, усадишь она и наделает. Дашь чашечку кофе.....

В. Ужасно.

Б. *(Ухмыляется):* Наполовину сливки, все остальное сахар! Три ложки! Как она прожила так долго? Дашь ей кофе, усадишь в кресло и будьте уверены...

В. *(Осматривает то кресло, в котором сидит):* В какое кресло? В это?

Б. Как ты догадалась. Да, не волнуйся.

В. Это, должно быть, ужасно.

Б. *(Возражая):* Для кого?

В. *(Парируя):* Для нее! Тебе-то платят. Возможно, это ужасно и для тебя, но тебе хотя бы за это платят.

Б. И ведь никогда не предупредит.

В. Потеряв это, я имею в виду контроль над собой, теряешь чувство достоинства...

Б. О, не говори! После шестнадцати жизнь идет под уклон. У всех из нас!

В. Да, но.....

Б. Тебе что, двадцать с чем-то? И ты до сих пор ничего не поняла? *(Показывает)* Ты вдыхаешь... и ты выдыхаешь... Сначала ты подставляешь свою задницу и тебя шлепают, чтобы ты вдохнула, а потом, когда ты выдыхаешь из нее все и выходит... это так. Есть конец, и есть начало. Не надо

быть наивной. Я бы хотела, чтоб с детства все это знали - в шесть лет говорили бы, - я умру, и понимали, что это значит.

В. Какая гадость!

Б. С детства. Надо знать, что времени мало. Надо знать, что люди умирают с той самой минуты, как появились на свет.

В. Кошмар!

Б. Не будьте наивной! Тебе что не понятно? Тебе понятно, что вот сейчас ты умираешь?

В. Да, конечно, но...

Б. *(Завершая разговор):* Пора и повзрослеть.

А. *(Дрожащим голосом, шаркая ногами):* Помрешь - никто и глазом не моргнет.

В. *(Весело):* Дело сделано!

А. Можешь умереть! Можешь упасть и сломать себе что-нибудь. Помирай! Кого это волнует!

Б. *(Подходя к ней):* Разреши тебе помочь.

А. *(Отмахиваясь здоровой рукой)* Не прикасайся ко мне! Человек может умереть от всеобщего равнодушия!

В. *(В полголоса)* Кто же этот... человек?

Человек может то, человек... может...

Б. Ну, это фигурально выражаясь...

В. *(Несколько саркастично):* Да? Не может быть!

Б. *(не возражая).* Так говорят.

А. *(Сотрясая воздух):* Держите же меня! Вы хотите, чтобы я упала? Вы хотите, чтобы я упала!

Б. Да, я хочу, чтобы ты упала и разбилась... на... десять кусочков.

В. Или пять, или семь.

А. Где мое кресло? *(Видит его вполне хорошо)* Куда подевалось мое кресло?

Б. *(Поддерживая игру.)* Боже, куда же делось ее кресло?! Кто-то унес ее кресло!

В. *(Пытаясь понять).* Что?

А. *(Понимает ли она? Вероятно.)* Кто взял мое кресло?

В. *(Заносчиво)* Простите! *(Быстро встает и отходит)* Ваше величество!

Б. *(Успокаивая.)* Вот твоё кресло. Хочешь подушку? Дать тебе твою подушку? *(К В.)* Принеси ей подушку.

А. Я хочу сесть.

Б. Так, так. Вот мы и добрались. *(Осторожно усаживает ее в свободное кресло.)*

В. *(На кровати.)* Какую подушка?

Б. *(К А.)* Тебе удобно? Тебе нужна твоя подушка?

А. *(Раздраженно.)* Конечно, мне не удобно. Конечно, мне нужна моя подушка.

В. *(Все еще на кровати. К Б.)* Я не понимаю какую?

Б. *(Направляясь к дивану.)* Обе, на самом деле. Одну для спины *(берет ее.)* и эту для руки. *(Берет ее; направляется к А.)* Вот умница.

А. Моя рука! Моя рука! Где же подушка?!

Б. Вот так. *(Прилаживает подушку к руке.)* Хорошо? *(Молчание.)* Хорошо?

А. Что?

Б. Ничего. *(А многозначительно улыбается В.)*

В. Так и живете?

Б. Ага.

В. Просто театр какой-то.

Б. Ты ничего еще не видела.

В. Могу себе представить!

А. *(К Б.)* Не смей меня бросать. Что, если б я упала и умерла?

Б. *(Рассуждая, спокойно.)* Ну... если бы ты упала, я бы услышала, ты бы подняла такой крик, а если б умерла, то чем уж тут поможешь.

А. *(Пауза; потом она смеется; искреннее удовольствие.)* Повтори-ка! *(Довольна тем, что В в недоумении.)* Что такое?

В. *(Небольшая пауза, пока В понимает, что говорят о ней.)* С кем? Со мной?

А. Да. С тобой.

В. Что со мной такое?

Б. *(Забавляясь)* Ну, раз она утверждает...

А. Я утверждаю.

В. *(Немного паникуя.)* Что тут происходит - вы что, сговорились против меня?

Б. Мы сговорились?

А. *(С большим удовольствием.)* Все может быть.

В. *(Защищаясь.)* Со мною все в порядке.

Б. *(Кислая улыбка.)* Хорошо... поживем-увидим.

А. Что она сказала?

Б. Она сказала, что с ней все в порядке- Мисс Совершенство.

В. Я этого не говорила, это не то, что я!

А. *(К Б; искренне.)* Почему она кричит на меня?

Б. Она не кричит.

В. Я не кричу!

Б. Теперь кричишь.

А. Вот видишь? *(смущенно)* Какой сегодня день?

Б. Сегодня *(называет тот день, который есть в действительности.)*

А. Он придет сегодня? Ведь это его день?

Б. Нет; не сегодня.

А. *(скулит.)* Почему нет?!

Б. *(Не обращая внимания на это.)* О, ему есть еще, чем заняться. День заполнен до отказа.

А. *(Со слезами.)* Он никогда не приходит ко мне, а когда приходит, никогда не остается.

(Неожиданно меняет тон, с ненавистью) Я ему покажу; я всем им покажу. Они все думают, что со мной можно вот так обращаться. Вы все думаете, что Вам что-то достанется. Я вам всем покажу.

В. *(К Б.)* И так всегда?

Б. *(Сверхтерпеливо.)* Ну... подчас это даже мило.

В. Ха!

А. *(Бормочет)* Вы все чего-то хотите; Всем что-то нужно. Мама меня предупреждала: будь осторожна, говорила она; им всем чего-нибудь, да нужно; будь осторожна, они все чего-то хотят, она предупреждала, меня и мою сестру. Она готовила нас, а как иначе? Я имею в виду, что мы были девушки, и многое еще можно было изменить, все было по-другому тогда. Нам многого не хватало, поэтому оставаться девушками нам было не легко. Мы знали, что нам придется добиваться всего своими руками и в таком случае пребывать невинными... Зачем я говорю об этом?

Б. Потому, что ты этого хочешь.

А. Это правда. Она хотела подготовить нас... к выходу в свет, для встречи с мужчиной, для поиска своей дороги в жизни. Малышка не смогла, и это грустно. А я осилила. Я сумела. Я встретила его на вечеринке, и он сказал, что видел меня прежде. Он был уже женат дважды - первая была блядь, вторая - пьяница. Он был забавный! Он сказал, давай пойдем в парк - поедем верхом, и я сказала хорошо, перепугавшись до смерти. Я соврала, сказав, что умею ездить верхом. Ему было все равно; он хотел меня; я отлично понимала это. Это длилось шесть месяцев.

Б. Моя ты девочка!

А. У нас были лошади, когда мы поженились; была конюшня, беговые лошади; мы ездили верхом.

В. *(мягко.)* Надо же.

А. Я научилась ездить верхом, и у меня хорошо получалось.

Б. *(поддерживая.)* Не сомневаюсь!

В. *(с легким презрением.)* Неужели?!

Б. Ш-ш-ш-ш-ш.

А. *(С детским энтузиазмом)* Я ездила в дамском седле, в мужском, я каталась на пони - в экипажах - и мне все это нравилось. Бывало, он поедет со мной, и мы скачем все утро, и далматинец с нами - как его звали. Съюзи? Нет. У нас были хорошие лошади, мы участвовали в выставках, получали все призы, мы хранили их в большом ящике внизу... нет, это было в другом доме. Мы держали их...

(Пауза. Воодушевляясь.) И кубки. Все золотые кубки, которые мы выиграли, и чаши, и блюда... Мы знали всех судей, но выигрывали мы не поэтому: мы выигрывали, потому, что были лучшими.

В. *(Про себя.)* Естественно.

Б. *(в пол голоса.)* Веди себя прилично.

А. *(отстранено.)* О, она еще научиться. *(Назад в воспоминания.)* У нас была конюшня! Я знала судей, приходила на ипподром, сидела на трибуне, когда мы были на соревнованиях. Я никогда не участвовала в скачках. Графчик был на лошади. Наш жокей; Я сидела рядом с судьями и просто смотрела. Они все знали меня; все нас знали, у нас была знаменитая конюшня, и когда заседание судей заканчивалось, они говорили мне, если мы выиграли, а почти всегда так и было, и если они говорили мне, а почти всегда так и было, я делала знак, Я снимала свою шляпу, и дотрагивалась до своих волос *(Делает это; дотрагивается до волос.)* и так они понимали, что мы выиграли.

В. *(К Б; шепотом.)* Кто?

(Б пожимает плечами, показывает глазами на А)

А. *(очень здраво, втолковывая)* Все в нашей ложе. *(Снова по детски.)* О, я так любила это, кататься верхом по утрам, приехать в конюшню на автомобиле, в кителе, брюках для верховой езды, в моем котелке и... лаская... как ее звали? Далматина - Съюзи, мне кажется... нет - приготовления, дорога. Иногда он приезжал со мной, иногда нет. Иногда я выезжала одна.

В. *(К Б.)* Кто?

Б. Ее муж, скорее всего. *(К А.)* Вы ездили на лошади, когда были маленькой?

А. *(несколько скептически улыбаясь)* Нет. Мы были нищие.

В. *(К А.)* Нищие? Действительно... нищие?

А. Ну нет, не в буквальном смысле; мой отец был архитектор. Он проектировал мебель, он делал ее.

В. Это не архитектор, это...

Б. Не важно.

А. Он делал такую красивую мебель; он был архитектором. Строгий, но справедливый. Нет, моя мама была строгая. Да нет же, они оба были строгие. И справедливые. *(Вконец запутавшись, она плачет.)*

Б. Ну-ну.

А. Я не понимаю, о чем я говорю! О чем я говорю?

Б. *(Утешая.)* Ты говоришь о лошадях; Ты рассказывала о верховой езде и мы спросили: когда Ты была маленькой девочкой...

А. *(Трезво, резко.)* Мы никогда не ездили верхом; у соседей была лошадь, но мы никогда на ней не ездили. Я не думаю, чтобы моя сестра хоть раз каталась верхом. Правда, я не умею плавать. Не буду скрывать. *(Заговорщицкий шепот.)* Она пила.

В. В детстве?

Б. Перестань!

А. *(искренне невинно)* О чем это? О чем мы говорим?

Б. О лошадях. Ты не ездила верхом, когда была маленькой.

А. Ездишь верхом, если ты фермер или если богат.

В. *(с легкой иронией)* Или, если ты - богатый фермер.

Б. Ш-ш-ш-ш-ш.

А. *(О В, обращаясь к Б.)* Со временем она поймет. *(К В зловеще)* Не сомневайся!

В. *(Нервный смех)* Вполне вероятно.

А. *(Возвращаясь к рассказу)* Я не была богатой, пока не вышла замуж, да и потом, на самом деле, тоже. Это все имеет значение. У нас были верховые лошади, мы ездили верхом. Я училась ездить верхом, и у меня очень хорошо получалось. Я ездила верхом в дамском седле, в мужском, я каталась на пони -

В. ..И все это очень любила делать.

Б. Тихо.

А. И я что?

В. Ты любила все это.

Б. Ты любила все это.

А. Я любила?

Б. Ты так сказала.

А. *(Смеется).* Да, должно быть это правда. Я не очень-то любила секс, но любовный роман у меня был.

В. *(Заинтересовавшись)* О?!

А. *(неожиданно подозрительно).* Что?! Что тебе?

Б. Ничего, успокойся.

А. *(возвращаясь опять)* Мы катались верхом. Он ездил со мной, ну, не каждый раз, конечно. Иногда я ездил одна или часть пути с собакой, но ни слишком далеко от конюшни. У собаки была в подружках кошка, которую она любила. Она возвращалась, а я продолжала свой путь. На мне были брюки для верховой езды, и моя куртка, у меня был хлыст, мой котелок. Я ездил всегда в полной экипировке. Появляйся на люди одетой с иголочки, вот мое правило. Я управляла экипажем. Я очень любила это. У меня очень хорошо получалось. У меня все получалось. Мне так полагалось, а ему это было не обязательно. Я приезжала в экипаже в конюшню, и Эрл был там... или кто-нибудь из молодых конюхов: Том... или Брэдли. *(Длинная пауза.)* Я что, делаю в штаны?!

(Начинает плакать.)

Б. *(Лениво.)* Хорошо... давай посмотрим. *(Подходит к А.)* У-у-у-псс!

(Поднимает ее, она хнычет, плачет еще больше, Б щупает под А.) Нет, но держу пари, что собираешься. Пойдем. *(Помогает А выйти.)*

В. Побывать здесь? *(Идет к окну; смотрит на улицу; смотрит на кровать; приглаживает покрывала. Б возвращается.)* Почему я это делаю?

Б. А почему бы и нет? Я ведь это делаю?

В. Принцесса на горошине. Что случилось с ее рукой?

Б. Она упала и сломала ее. Рука не срастается. Возможно, это возраст. Ей вставили спицы, железные спицы, кости разлагаются вокруг, а рука так и висит на них. Они хотят ее отрезать.

В. Что?!

Б. *(Констатируя факт.)* Руку. Они хотят отрезать руку.

В. *(протестуя).* Да нет же!

Б. *(Пожимая плечами.)* Болит.

В. Тем не менее!

Б. Она не позволит.

В. Не может быть?!

Б. Что ты знаешь? Она заставляет нас ездить в город каждую неделю - на прием к хирургу, к тому, кто натворил все это, тому, кто хочет отрезать ей руку. Боже! Он почти так же стар, как и она. Но она говорит, что ему верит. Она ездит туда каждую неделю, и заставляет их просвечивать руку, осматривать, и каждый раз спицы все тоньше и кость все больше болтается и она говорит старому другу - хирургу - теперь намного лучше, и хочет, чтобы он согласился, он виляет, смотрит на меня, но я беспомощна и она заставляет его обещать, что он никогда не отрежет ей руку и не позволит сделать это кому-либо, и он обещает- надеется, что она забудет? Возможно, но она не забывает. Есть кое-что, что она никогда не забудет. Он обещал мне; ты была там, ты слышала". Мне кажется, она повторяет это ежедневно. Он обещал мне; ты была там, ты слышала.

Звон разбитого стекла за сценой.

Б. *(продолжая)* О. Боже! *(Она выходит. Из-за сцены.)* Ну, почему ты это сделала? Безобразница! Плохая, плохая девочка!

За сценой. А хихикает и смеется. Появляется в сопровождении Б.

А. *(выплывает хромая, но очень довольная)* Я разбила стакан! Я взяла стакан и бросила его прямо в раковину! Я разбила стакан, и теперь она должна будет все собирать там!

Б. *появляется вновь*

Б. Плохая девочка!

А. Я разбила стакан! Я разбила стакан! *(Смеется; внезапно она меняется в лице, затем)* Мне надо присесть. Я не могу сесть сама! Почему мне никто не поможет?

Б. *(помогая ей).* Сейчас, сейчас. Подожди.

А. О! О!

Б. Все в порядке. Сейчас.

В. *(про себя).* Господи!

Б. *(к В, устравивая А)* Ты хороший помощник.

В. *(холодно)* Я не знала, что обязана.

Б. *(иронично)* Ты здесь только, как юрист, не так ли?

В. Да, я здесь только, как юрист.

А. *(внезапно встревожилась)* Что? Что ты сказала?

Б. *(констатируя факт)* Я сказала, что ж... все, что я имела в виду - это то, что, если она здесь представитель закона, то почему бы ей не вести себя по человечески, почему бы не оказать помощь, почему бы ей...

А. *(радостно)* Ты от Гарри?

В. Нет. Гарри умер давно.

А. *(в слезах)* Гарри умер? Когда Гарри умер?

В. *(громко)* Тридцать лет назад.

А. *(пауза на секунду, плач прекращается).* Ну что ж, я знала это. Зачем же вы говорите о Гарри?

В. Ты спросила, не от Гарри ли я, это ты спросила...

А. Я не могла сказать такую глупость.

Б. *(насмешливо к В.)* Так и живем.

А. *(разъясняя это всему миру)* Гарри был моим юристом, но это было давно. Гарри умер... когда? Тридцать лет назад? Гарри умер. Его сын теперь адвокат. Я хожу к нему, хотя это он ко мне ходит, но иногда и я хожу к нему.

В. Да, Ты ходишь, и он приходит.

А. А ты-то здесь зачем?

В. *(вздыхнув)* Кое-что... запуталось. Не доделано. Некоторые вещи...

А. *(в панике)* Кто-то украл вещи?

В. Нет, нет, нет, нет. Мы посылаем тебе на подпись бумаги, а ты не подписываешь, мы звоним тебе, а ты не отвечаешь, мы высылаем счета, а ты их не подписываешь, что-то вроде этого.

А. Не понимаю, о чем ты говоришь.

В. Ладно...

А. Ни слова правды! Ты лжешь! Набери Гарри!

В. Гарри...

Б. *(к А.)* Простите? Это разорит меня?

А. *(к Б, недоверчиво)* Что?!

Б. *(невозмутимо.)* Это разорит меня?

А. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Б. *(к В.)* Бумаги? Счета?

В. *(не скрывая эмоций)* О... их целый ворох.

А. *(непреклонно)* Ничего подобного!

В. Отчего это? Почему?

Б. *(к А спокойно)* У тебя полный ящик. Счета приходят, ты просматриваешь их, и некоторые пересылаешь оплатить, а какие-то, как ты говоришь, не помнишь, и поэтому их не пересылаешь, и...

А. *(непокорно)* Почему я должна платить за то, что не заказывала?

Б. *(прищуривается)* Но они присылают тебе подписать твои чеки? Оплатить счета? И некоторые из них ты подписываешь, потому что помнишь за что они, а некоторые - кое-какие счета - не помнишь?

А. Я что?

Б. *(улыбаясь, терпеливо)* ...ты не помнишь, за что они и поэтому не подписываешь и кладешь их в ящик.

А. Ну и что?

Б. Так и получается - все на потом.

В. Теперь понимаю, понимаю.

А. Каждый норовит обчистить меня до нитки. На меня деньги не с неба упали, как ты знаешь.

Б. Думаю, что с неба. *(К В.)* Ты не находишь?

В. В каком-то смысле.

А. *(заговорщицки)* Они все готовы обчистить меня до нитки, если не будешь внимательна: прислуга, продавцы, сторожа, эта маленькая еврейка, что следит за моими мехами - как ее зовут? Она прелестна. Они все обчистят тебя до нитки, только повернись к ним спиной. Все.

В. Мы предлагали тебе, пересылай все счета нам; мы разберемся; я буду приносить все чеки на подпись тебе ежемесячно; и останусь здесь до тех пор, пока ты их не подпишешь. Как хочешь.

А. *(снисходительно улыбаясь, но не переходя границу приличия)* Нежели вы не можете себе представить, что я сама могу управляться с делами? Я прекрасно... когда он болел, я сама всем заправляла; я все считала; я все оплачивала. Я все делала сама.

В. *(мягко)*. Но сейчас ты не обязана.

А. *(гордо)*. Да, не обязана. Но я желаю. Я хочу, чтобы все было в порядке. И я это делаю. По-прежнему, делаю!

В. Хорошо, конечно, делаешь.

Б. Конечно, делаешь.

А. *(подводя черту, с превосходством)* Поэтому, спасибо, своими делами я буду управлять сама.

В. *(отступив, пожимая плечами)* Да, безусловно.

Б. А я погляжу, как ты делаешь вид, будто справляешься.

А. Да, это я буду заботиться о вас, о каждом из вас. Я любила заботиться о лошадях.

Б. Только вот людей, их ты не любила.

А. *(уклончиво)* Да? Неужели? А еще мы ездили по-ковбойски. Это было, когда он чуть не умер - в тот первый раз, когда я была вместе с ним. У него было заражение крови. Он охотился, они были на охоте, ружье вырвалось, и выстрелило ему в руку, в плечо. *(Трогает свое плечо. Понимает аналогию, грустно улыбается)*. О, боже! *(Пауза)* Он был ранен, а пулю ему не вытащили, рана воспалилась и распухла, как пузырь, ее разрезали и гной потек наружу...

В. Хватит!

Б. *(холодно)* Почему? Тебе то что?

В. *содрогнулась*.

А. Они поставили дренаж, без всяких препаратов.

Б. Без антибиотиков, ты имеешь в виду?

А. Что?

Б. Без антибиотиков?

А. Да, но это не принесло облегчения, стало хуже, и все заголосили, что он умирает, но я не позволила. Я сказала: нет! Он не умрет! Я сказала это докторам и ему я это тоже сказала, и он ответил: хорошо, он постарается, если я буду спать с ним вместе, если я не оставлю его одного ночью, буду рядом с ним, и я осталась, пахло ужасно - гной, разложения...

В. Пожалуйста, не надо!

А... мне посоветовали отвезти его в пустыню, пожарить его руку на солнце, и вот мы в Аризоне - он сидит под палящим солнцем целыми днями - его рука сочиться, воняет, гниет и... через шесть месяцев все проходит, отек спал, гноя как не бывало, он был спасен - остались лишь шрамы, только шрамы - так я научилась сидеть в седле, по-ковбойски.

Б. Боже, боже.

А. Это было в горах, за Верблюжьей горой. Мы катались по пустыне на лошадях. С нами была одна кинозвезда, та, которая вышла замуж за парня, руководившего студией. У нее были глаза разного цвета.

В. Как так?

А. Глаза у нее были разного цвета. Один голубой, насколько я помню, а другой зеленый.

В. *(к Б.)* О ком это она?

Б. *Пожимает плечами.*

А. О, это была настоящая звезда. Сама крошечная, а голова огромная. Она тоже пила, по-моему.

Б. Послушать тебя, так все- пьяницы. Мерли Оберон?

А. Да нет же. Ты знаешь ее.

Б. *(вспоминает с удовольствием)* Когда это было? Клер Тревор?

А. Тогда, когда я была там, когда мы там были. Такая крошка и пара глаз.

Б. В тридцатые?

А. Возможно. У нее был сын. Они пекли яйцо на тротуаре. Было так жарко. Он говорил мне.

В. *(потеряв нить разговора)* Ее сын... говорил тебе?

А. Нет! Мой сын! Он был маленьким мальчиком и играл с другими детьми в разные игры, вот так.

Б. Это, должно быть, было еще до войны.

В. До какой?

Б. До гражданской.

А. *(победно)* Салберг. Вот за кого она вышла. Арнольд Салберг.

Это был типичный маленький энергичный еврей.

Б. *(к В. иронично)*. Все энергичные евреи - маленькие. Замечала? Ирвинг. Ирвинг Салберг.

В. *(холодно)* Я не антисемит. И я уже много чего заметила.

Б. Все мы такие и все замечаем. Но она, все-таки потрясающая. Чудовище, конечно, но потрясающая. Это она не со зла. Просто, из нее сыпется. Само по себе.

А. *(весело)* Норма Ширер!

Б. Конечно.

В. Кто?

А. *(смеется)* Что с вами стряслось, друзья?

В. *(объясняет)* Мы современные люди. Мы - не антисемиты.

А. Чего?

В. Ты спросила, что случилось.

А. Фу-ты, ну-ты. Какие мы нежные.

Б. Давненько я этого не слышала. Какие мы нежные...

А. Да, мне мама это часто говорила. Не будь неженкой. Сюзи и мне. Она заставляла нас съедать все, что положено на тарелку, а потом еще мыть за собой посуду. Приучала нас быть взрослыми. Она была строгая, но справедливая. Нет, таким был отец, нет, они оба были такие. *(Со слезами в голосе)* Они умерли, все, Сью, все умерли.

В. Маленький энергичный еврей?

Б. Ну, она же не сказала жиденок?

А. *(в своих воспоминаниях)* Она приучала нас писать поздравительные открытки и привозить гостинцы ото всюду, где мы бывали, стирать свои вещи на ночь. Иногда Сью не хотела, и мне приходилось стирать за нее. Из нас делали настоящих леги.

В. Заставляли ходить в церковь дважды в неделю? Бесконечно молиться?

А. Что? Да, конечно, мы ходили в церковь, но говорили об этом не слишком много. Это было в порядке вещей. *(К Б.)* Что ты украла?

Б. *(не возражая)* Когда?

А. Вообще.

Б. Я дождалась, пока ты уснешь и...

А. Я никогда не сплю.

Б. Пока ты не притворилась спящей, потом я залезла в тайник и забрала все большие серебряные кубки, спрятала их по подол и поковыляла прочь...

А. Смейся, смейся... *(внезапно развеселившись)* Это было, наверное, забавно.

Б. Конечно.

А. Ты, наверное, вся звенела, когда ковыляла из комнаты?

Б. Конечно. Дзинь-дзинь.

А. Дзинь-дзинь! *(замечает, что В не в восторге от происходящего)* Тебе не смешно?

В. Очень смешно. Я просто пытаюсь понять, что здесь самое смешное - неоплаченные счета, антисемитизм или ...

Б. Ну-ну... Сбавь обороты.

В. *(обидевшись)*. Извините.

А. *(к В.)* Мне придется поговорить о тебе с Гарри.

Б. Гарри умер. Гарри нет уже много лет.

А. *(все более погружаясь в воспоминания)* Знаю. Как и всех. У меня уже нет друзей, большинство из них умерло, а кто не умер - помирает, те, кто не помирает - пропали куда-то, во всяком случае, мы уже не видимся.

Б. *(утешая)* Ну, какая разница. Ты все равно уже никого из них не любишь.

А. *(с готовностью соглашаясь)* Да, это правда. Но предполагалось-то, что буду любить, что они будут рядом. Ведь был уговор. Ты выбираешь друзей, тратишь на них время, силы, какая потом разница, если ты их уже не любишь - кто любит вечно - время-то ушло? Разве они имеют право?

В. Умирать?

А. Что?

В. Какое они имеют право умирать?

А. Нет. Изменять.

В. Ты имеешь в виду - изменяться?

Б. *(деликатно)* Оставь это.

А. Нет. Права не имеют! Ты надеешься на них. А они предают. Бредли! Френсис! Они умирают. Они уходят. И семьи уже нет. Все умерли. Никого не осталось. Даже Сью!

Б. А что с ней было?

А. *(враждебно)* Она спилась. А была покруче меня, да нет, просто проворней и моложе на два года.

В. *(с улыбкой)* ... или пять или семь.

А. Что?

В. Ничего.

А. У нее было больше шансов. В детстве - всегда выше отметки и больше поклонников. Только потом -... она подрастеряла все свои баллы в водоворотах и штормах.

В. *(изучая свои ногти)* Меня не укачивает на море.

Б. *(сухо)* Может, надо попробовать встряхнуться по-настоящему, а не киснуть в трясине?

А. Мы приехали в город вместе, сняли комнатку, и мама с папой приехали посмотреть приличная ли она. Там была уже мебель, но им не понравилась, поэтому, папа привез кое-что свое, из гаража. Он делал отличную мебель. Он был архитектор. Нас никогда не было дома - мы все время были в поисках работы- работы достойной молодых леди. Нас всегда кто-нибудь сопровождал. У нас был один размер, поэтому мы могли меняться одеждой, что было экономно. Нам выдавали кое-что на пропитание, но совсем не много. Мы жили по графику, поэтому наши мальчишки - молодые люди, мужчины, которые гуляли с нами, а гуляли мы вволю, не могли понять, что у нас одна одежда на двоих. Я все говорю понятно?

В. Да, понятно, вполне понятно.

Б. Ну же, проснись.

А. Нет, на мне это было в Плаце, ты что, забыла? Надень лучше бусы. Мы жили по расписанию. А ноги у нас были большие.

Пауза.

Б. Что?

В. Размер обуви у них был большой.

А. У нас были большие ноги. У меня и сейчас большая нога... как мне кажется. Разве не так?

Б. Конечно, большая.

А. А впрочем, разве уже поймешь. Мы очень любили друг друга, по-моему. Всем делились, шутили, и... Мама заставляла нас писать письма дважды в месяц, а позже звонить. Мы пробовали писать вместе - одно письмо на двоих - но она хотела, чтобы мы присылали два - по одному от каждой. Письма должны были быть богатые новостями и длинные, она отсылала их обратно с пометками, типа это не правда или не сокращай или твоя сестра уже писала об этом, если ей что-то не нравилось. А орфография! Сью не могла писать грамотно. Она пила.

В. *(недоверчиво)* Ваша мама?

А. Что? Да, нет же, моя сестра!

Б. Естественно.

В. Уже тогда?

А. Когда?

В. Когда вы только приехали в город.

А. Да нет же. После. Тогда мы лишь выпивали по бокалу шампанского перед выходом и закусывали апельсинами. Он приносил мне апельсины, когда приходил. Или цветы - фрезии, в их сезон. Но ведь это мало! И он прекрасно понимает!

В. Кто? О ком это?

Б. Тише. Ее сын. Он дарил ей замечательные подарки.

А. Мы вместе гуляли, но не отбирали парней друг у друга. У нее был безупречный вкус. А мне нравились ... бандиты.

В. О-о-о!

Б. (*к В. забавляясь*) А что тут такого?

А. Нам никогда не нравились одни и те же мальчики... мужики. Я думаю, она вообще не любила мужчин. В отношении секса уж это точно. Мы насильно выдали ее замуж, когда ей было уже под сорок. Еле нашли такого. Макаронника. Она не хотела.

В. Просто невероятно.

Б. (*резко*) Почему нет? Макаронник, черножопый, жид. Это у нее в крови. Такой взгляд на мир.

В. Такой же, как у ее строгих, но справедливых родителей.

Б. *Пожимает плечами.*

А. (*она услышана*) Я дружила с евреями, ирландцами, у меня были друзья из Южной Африки, все было. Пуэрториканцев и подобных не было, но Венесуэльцы, Кубинцы. О, мы пропадали в Гаване.

В. (*к Б.*) Просто с другой планеты, так?

Б. Хм-м.

А. Цветных у меня не было. В Пайнхерте была цветная прислуга, конечно. Мы останавливались там, когда приезжали. Они хорошо знали город, были деликатны, воспитаны, не то, что эти черножопые, вполне цивилизованные.

В. (*в ужасе*) О, Боже!

А. Он запрещал мне говорить это. Сказал даже, что не станет навещать, если я буду говорить так. Что его так заело?

Б. Успокойся. Твоя сестра была замужем за итальянцем?

А. (*смущенно*) Она... что? О. Это было потом. Я всегда искала настоящего мужчину.

Б. А она нет?

А. Нет. Она думала, что все ей должно падать прямо в руки. И оно падало. И часто. Я все должна была зарабатывать сама, ничто не приходило даром. Я была статная и красивая, она была высокая и хорошенькая, немного пониже, конечно, не такая высокая, как я. (*Плачет.*) Я усохла. Я уже не высокая. Я была такой высокой. Почему я высохла?

Б. (*терпеливо.*) Это бывает. Мы становимся меньше с годами. И каждый день так же: утром мы выше, чем к ночи.

А. (*еще в слезах*) Да?

Б. Позвоночник за день сжимается.

А. (*все еще плачет*) У меня его и нет. Был когда-то. А сейчас нет.

В. (*к Б. В полголоса.*) О чем это она?

Б. Остеохондроз.

А. (*к В. злобно*) погоди! Поживешь-узнаешь!

Б. Позвоночник рассыпается. Ты можешь сломать его просто на прогулке, обернувшись, или... как угодно.

А. (*плачет*) Я была высокой. Просто я высохла.

В. (*к Б.*) Понимаю.

Б. *Улыбается.*

А. (*трезво*) Он был коротышка. У меня было много высоких поклонников, но этот был маленький.

В. Кто это?

Б. Ее муж, наверное.

В. Давно же это было.

А. Знаю, я этих высоких парней, этих танцоров. Сюю и я танцевали ночи напролет со всеми этими высокими парнями. Некоторые из них были мужчинами только с виду - они были ..., но кое-кто был и настоящий. Мы танцевали всю ночь, а иногда я и...

Б. (*с улыбкой*). Гадкая девчонка!

А. Я была сумасшедшей. Сюю говорила, - как ты можешь вести себя так? Я смеялась и отвечала, - да пошла ты! Да, я любила погулять, но держала ухо востро. Я всегда была начеку. (*Горько*) Если б не я, то кто же? Я всегда могла надеяться только на себя саму, вокруг злословили, обворовывали... лебезили. Если бы я не была начеку, нам бы ничего не досталось. Его сестра. Разве за нее Сюю выходила замуж? Оказалось, в первую очередь за нее. Пришибленный маленький... дантист. Разве

он мог управлять делами? Разбирался в финансах? Лишь настолько, чтобы воровать. Насколько, чтобы набить свои карманы. И, конечно, старик смотрел на это сквозь пальцы, потому что этот - как его звали этого дантиста - был женат на его драгоценнейшей дочке. Этой притворщице, управляющей всеми одним мизинцем. Я должна была все предвидеть. Держать все в руках.

Б. *(гордо)*. И получалось?

А. Что? О чем ты?

Б. Ну, о том, что ты держала в руках.

А. Откуда я знаю. Не понимаю, о чем ты говоришь. Что я держала в руках?

Б. Ну, не знаю.

В. Тех, кто пользовался твоей слепотой.

Б. Да.

А. *(зловеще)* Все у меня воруют - направо и налево. Все крадут. Что-нибудь да крадут.

Б. *(невозмутимо)* И я? Я тоже ворую?

А. *(нервический смех)* Я не знаю. Почему мне знать. Деньги куда-то уплывают.

Б. *(к В.)* В этом вы не замешаны?

В. Мы распределяем только то, что поступает. Ее капитал проходит не через одни руки. Тут много возможностей для желающих.

А. Сюю завидовала мне, когда я вышла замуж. Всегда ей чего-то не хватало. И я была настороже.

В. Ты тратишь все свои поступления, насколько я в курсе.

А. А почему бы и нет? Это мое.

В. Тогда не жалуйся. Если ты хочешь нарастить состояние, то должна...

А. Я не жалею. Я *никогда* не жалею. У меня есть ты, есть она, есть шофер, у меня этот дом, мне надо прилично выглядеть, а иногда, я вынуждена звать сиделку, хотя некоторые из них черные. Что с того. У меня все это хозяйство. Этот повар. У меня...

В. Ясно. Ясно.

А. Все воруют. Каждый.

Б. *(после паузы)*. Да.

А. Сюю все проворонила. А я - нет. Я вышла замуж за него. Он был коротышкой. С одним глазом. Другой выбили мячом для гольфа и вставили стеклянный.

В. Который?

Б. *(осуждая)* Прекрати.

В. *(заводиться)* А я хочу знать. *(К А.)* Какой глаз? Который из них был стеклянный?

А. Какой? Ну, я... *(всхлипывает)* Не знаю. Я не помню, какой глаз был стеклянный *(плачет вовсю)* Я...не могу... вспомнить!

Б. *(направляясь к А., утешая)* Ну, ну, ну...

А. Я не могу вспомнить! *(внезапно с яростью)* Убери руки! Как ты смеешь!

Б. Прости. Прости.

А. *(к Б. опять со слезами)* Почему я ничего не помню?

Б. Да все ты помнишь, просто не можешь удержать все в голове одновременно.

А. *(успокаиваясь)* Да? На самом деле?

Б. Конечно.

А. Я все помню?

Б. Все где-нибудь, да храниться.

А. *(смеется)* Как интересно. *(К В.)* Я все помню.

В. Поздравляю. Но ведь это не легко, наверное.

Б. Ты успокоишься?

В. Может, лучше не помнить? Все кануло в Лету и забыто.

А. Куда?

Б. Да, в никуда.

В. В Лету.

А. Я ее не знаю. Может, и знаю, просто в голове не держу. *(К Б.)* Да?

Б. Все так.

А. Мужа я любила. *(Глуповато улыбается вспоминая)*

Б. Ну, а как иначе?

А. Он дарил мне прелестные вещички, дарил украшения.

Б. Что правда, то - правда.

А. Мой бог, - говорил он, - Ты такая большая, такая высокая, ты принесешь мне счастье. Я не могу мелочиться. И он не мелочился. Жемчуга и бриллианты я любила больше всего.

В. Неужели?

Б. *(подыгрывая)* Это правда!

А. У меня был жемчуг и несколько браслетов. Но он хотел, чтобы их было больше- и подыскал еще один, не говоря ни слова. Это был широкий браслет и в нем бриллиант, вот такой *(показывает)*. Плоский и широкий обработанный камень, очень... как это?

Б. Изысканный.

А. Да. Изысканный и большой. Мы были, я этого никогда не забуду, мы были на приеме и пили шампанское, и мы, как это... подвыпили. Совсем чуть-чуть, конечно. Мы вернулись домой и собирались уже в постель. Наша спальня была большая, две отдельные уборные, и, как это, две ваннные комнаты. Мы оба разделись и готовились ко сну. Я сидела у своего столика - без обуви, без одежды, без белья - ну вот, я сидела у своего столика *(ей, в самом деле, нравится говорить об этом. Смех, восклицания и пр.)* ... и я... ну, я была голой. Я была абсолютно голой, кроме того, что на мне были мои украшения. Драгоценности я не сняла.

Б. Блеск!

А. Да! Ну вот, голая, в жемчугах - мое ожерелье, мои браслеты, мои бриллиантовые браслеты... два, нет, три! Три! И он входит, голый, как сойка - он умел быть забавным, когда того хотел, мы часто раздевались, заранее, намного заранее. Все это ушло. *(Пауза)* Где я?

Б. В своем рассказе?

А. Что?

Б. В своем рассказе. Где ты остановилась в рассказе?

А. Да; конечно.

В. Ты сидишь голая у столика, и он входит, тоже голый.

А. Как сойка, да! О, я не должна рассказывать это.

Б. Нет, нет, должна!

В. Должна!

А. Да? Ну что ж, так вот, я взяла большую пуховку и стала пудриться; только этим занимаюсь. Чувствую - он здесь, но вида не подаю. У меня есть кое-что для тебя, - говорит он, - у меня кое-что для тебя есть. И сидя так, я поднимаю глаза, смотрю в зеркало и... нет, не могу!

Б и В. *(как школьницы)* Нет, нет говори! Ну, расскажи!

А. Ну вот, я смотрю - он стоит, и его... его пипка уже твердая и... на нее надет новый браслет.

В. *(с благоговением.)* О, боже.

Б. *Улыбается.*

А. И браслет на пипке, и он приближается, и это прекраснейший из всех браслетов, какие я когда-либо видела. Весь в бриллиантах, широкий, ужасно широкий и... Я думаю, он тебе понравится, - говорит он. О, боже, это прекрасно, - говорю я. О, господи, да. *(Настроение немного падает)* Он подходит ближе, и его пипка прикасается к моему плечу - он был коротышка, а я была высокая, так-то. Ты его хочешь? Он спрашивает и тыкает этим в меня, я отвернулась, а пипка у него была маленькая. Я не должна это рассказывать, это ужасно, я знаю. У него была маленькая... Вы понимаете... и браслет был там и придвигался все ближе к моему лицу и - ты хочешь его? Я думал, он тебе понравится. И я сказала - нет! Я не могу сделать это! Поначалу он стоял, потом стал мягким, и браслет слетел с него, и упал мне прямо на колени. Береги его, сказал он и вышел из комнаты.

(Длинная пауза, в конце которой она плачет. Медленно. Убежденно.)

Б. Все хорошо. Все хорошо. *(Подходит и успокаивает А.)*

В. *(по доброму).* Ненормальный.

Б. *(мягко, успокаивая)* Хорошо, хорошо.

А. *(по-детски)* Хочу в кровать! Отведите меня в кровать!

Б. Конечно. *(К В.)* Помоги мне.

Они поднимают А. из кресла и отводят в кровать. В это время...

А. *(вскрикивает.)* Рука! Моя рука!

В. (*встревожено*) Простите!

А. В кровать! Я хочу в кровать!

Б. Ну, хорошо, хорошо. Мы почти уже пришли. Ну вот, пришли.

А. (*совсем, как ребенок*) Я хочу в кровать! (*От боли*) О! О!

Б. Тихо. Тихо.

А. уже под одеялами, сидя в кровати.

Б. (*продолжая*) Ну вот. Теперь удобно?

В. (*к Б.*) Извини. Я не хотела...

Б. Ничего. Все в порядке.

В. Я как-то не в своей тарелке... от всего этого.

Б. Разберешься со временем.

В. Сомневаюсь.

Б. (*Успокаивая.*) Ну, хорошо, представь себе, что ты живешь уже так долго, что больше и не хочешь. Вот все и поймешь.

В. Спасибо. А что дальше?

Б. (*с закрытыми глазами*) Почему ты меня спрашиваешь?

В. А кого я могу еще здесь спросить?

Б. (*все еще с закрытыми глазами.*) Ты меня спрашиваешь?!

Пауза.

А. (*приподнявшись. Глаза то открываются, то закрываются. Блуждающий взгляд, полный сознания.*) Что в наших силах, а что нет? Что мы помним, и в чем не уверены. Что я помню? Я помню себя высокой. Я помню, как поначалу, это делало меня несчастной, то, что я выше всех в классе, выше мальчиков. Моя память как волны: то накатит, то отступит. Мне кажется, что меня обворовывают... Я знаю, что это так, просто я не могу доказать. Я думаю, что я знаю, а потом не могу вспомнить, что я знаю. (*Тихо всхлипывает.*) Он никогда не приходит навестить меня.

Б. Да нет же. Приходит.

А. Только по необходимости.

Б. Чаще, чем другие. Он хороший сын.

А. (*упрямо*) Мне ничего об этом не известно. (*Мягче.*) Он приносит мне подарки. Приносит цветы-орхидеи, фрезии, эти большие фиалки...

Б. Африканские.

А. Да. Он дарит мне цветы и шоколад - апельсиновые корочки в шоколаде, в этом черном шоколаде, какой я люблю. Но он не любит меня.

Б. Ну, что ты.

А. Не любит. Он любит своих... он любит своих мальчишек, тех, кого имеет. Ты не знаешь. Он не любит меня, и я не знаю, люблю ли я его. Я не помню!

Б. Он любит тебя.

А. (*всхлипывая.*) Я не помню. Я не помню, что я не помню. (*Внезапно оживленно*) Что это значит?

Б. Что-нибудь да значит.

А. (*опять бессвязно.*) Это уже слишком: всем управлять, за все бороться. Он не хотел этого делать. Я должна была делать все. Говорить ему, что он в порядке и вытирать его кровь. Все было на мне. У Сью была привычка, когда она останавливалась у меня, прятать свои бутылки в ящик для белья, где, она думала, я не стану их искать. Падение, падение в пропасть, вот ее дорога. Мама приезжает к нам пожить, он не против, - куда ей еще податься? Любили ли мы друг друга? Особенно в конце? Нет, только не тогда, тогда она ненавидела меня. Я не могла помочь ей... она орала. Я ненавижу тебя! Она воняла, ее комната воняла. Я ненавижу тебя, - кричала она. Я думаю, они все меня ненавидели, потому что я была сильной, а я должна была такой быть. Сью ненавидела меня. Мама ненавидела меня, и все остальные, они ненавидели меня. Он ушел из дома, он сбежал. Потому что я была сильной. Кто-то же должен был быть. Кто, если не я?..

Пауза. А лежит все еще с открытыми глазами. Она вздрогнула до того, как замолчать? Спустя некоторое время Б.

И В. переглядываются. Б. поднимается, подходит к кровати, наклоняется, вглядывается в лицо А, щупает пульс.

В. (*приподнявшись, вглядывается*) Она... о, боже, она умерла?

Б. (*через паузу.*) Нет. Она жива. Мне кажется, у нее удар.

В. О, боже!

Б. Позвони ее сыну. Я позвоню доктору.

Б. *Встает и выходит направо, оглядывается на А. При выходе. Б. Гладит А по голове, выходит налево. А. одна. Неподвижность. Молчание.*

Конец 1-го акта.

Акт второй

А. *возлежит на кровати (на самом деле манекен с маской, снятой с лица актрисы, играющей роль А., одетой также, как и А. в 1-м акте. Мы должны верить, что это А. Кислородная маска на лице способствует этому.) Пауза. Б и В входят с противоположных сторон, одетые иначе, чем в 1-м акте. В садится поодаль. Б. Подходит к кровати, смотрит на А.*

Б. *(спокойно)* Без изменений.

В. *(печально)* Без изменений.

Б. Такие дела.

В. Ужасно.

Б. Как будто ждет чего-то.

В. не отвечает.

Б. Тебе так не кажется?

В. Я не хочу говорить об этом. Я не хочу об этом думать. Оставь меня.

Б. *(сурово)* А стоило бы подумать - даже в твоём возрасте.

В. Оставь меня в покое!

Б. *(рассуждая, перескакивает с темы на тему)* Это бывает по-разному - удар или рак или, как одна дама мне рассказала врезаться на самолете в гору. Нет?

Пауза.

Б. Или врезаться в стену со скоростью 60 миль в час...

В. Прекрати!

Б. Или... того хуже. Представь себе... ты одна в доме, вечер, прислуги нет, его тоже нет, он в клубе, сидишь дома одна, окно взломано, они залезли, осторожно, как кошки и все, тебя находят, сидящей здесь в гостиной наверху...

В. Я же сказала, хватит!

Б. *(улыбается)*... находят меня сидящей здесь в гостиной, просматривающей приглашения, или какие-нибудь... счета; подходит сзади, перерезает мне горло, я думаю, - Боже, мне перерезали горло, если еще, если у меня будет время подумать.

В. *(животный крик протеста)* А-а-а-а!

Б. *(невозмутимо)* Я почти готова. Или я слышу их... ты их слышишь, оборачиваешься, видишь их - сколько? Двое? Трое? - теряешь голову, начинаешь кричать и они вынуждены перерезать твое горло, мое горло, хотя они этого и не планировали. И вся кровь на китайском коврике. Ну и ну.

В. *(пауза. Удивленно)* Китайский коврик?

Б. *(как, само собой разумеется)* Да, бежевый, с розами по краям. Мы купили его на аукционе.

В. Этого я не знаю.

Б. *(на секунду удивившись)* Нет, конечно, нет; ты и не можешь знать. Однако ты узнаешь - я говорю о коврике. Совершенно ясно, что никто не станет резать горло, ни тебе, ни мне по такому поводу.

(Обдумывает сказанное) А может, все будет и лучше.

В. *(печально и беспомощно)* Ты хочешь что-то сказать, мне кажется.

Б. Да, конечно. Но опять же, мне не все известно, не все. *(Жестом указывает на А)*

В. *(Смотрит на А)* Я оставлю завещание; Я напишу, чтоб мне не продлевали жизнь, если окажусь в таком положении.

Б. Такого завещания нет, его не было, я проверяла. Все не так, как ты предполагаешь в этом мире.

А. входит на этих словах слева. Она одета в милое платье бледно-лилового цвета, без перевязи на руке.

В. Почему? Я все делаю сама, почему я не могу принять последнее решение? Я имею право!

А. Право на что?

Она очень разумна в течение этого действия. Б и В не удивлены ее появлением.

В. Решать жить или нет.

А. *(осматривая А)* Я собиралась написать, но потом как-то забыла, просто как-то вылетело из головы. Он настаивал, оставь завещание. Свое составил. Я думаю, что тут уж ничего не поделаешь... Все по-прежнему?

Б. По-прежнему... все также, без изменений.

А. Мне интересно, как долго это будет продолжаться. Я надеюсь не долго. Как ее зовут, ту, что отняла эти шесть лет; лежать без движения, не сомкнув глаз, задыхаясь, без сил.

Б. Я ее знаю?

А. Нет, всему свое время.

Б. Н-да.

А. Много денег, много! Дети - О! Пятьдесят наследников- деток перессорились! Они в первую очередь требовали завещание, адвокат не смог показать его им, они были так разочарованы - У, тварь! Ее надо вышвырнуть!. Не хорошо.

В. *(по-настоящему вне себя)* Хватит! Хватит!

А. *(как непослушному ребенку)* Ну, будь взрослой!

Б. Так и будет, она повзрослеет.

А. Хорошо. И тебе бы не помешало.

В. *(яростно)* Я никогда не буду... такой! *(показывает на А)*

А. Да, на самом деле?

Б. Забудь об этом.

В. Никогда!

Б. А что ты сможешь сделать?

А. Да, это интересно.

В. Нет, не буду.

В. *(выходит на первый план и обращается к зрителям. А и Б наблюдают и время от времени обмениваются комментариями.)*

В. Нет, я уверена,- я это чувствую. *(Показывает на А)* Лежать... вот так. Никогда!

В. *всхлипывает, А пожимает плечами, хихикает...*

В. *(продолжает)* Никто не должен! Мне 26. Я хорошая. У меня строгая, но справедливая мама - она еще жива, она любит меня и Сью, и она желает нам добра. У нас замечательная квартирка, у меня и Сью, и по вечерам мы прогуливаемся с нашими друзьями, и я все время в ожидании своего ... как это возлюбленного? И Сью тоже, я думаю. Мне кажется, я еще не любила, хотя была уже любима двумя, но они были не такие, как надо.

Б. *(печально, себе самой).* Они никогда не будут такими, как надо.

А. *(мурлыча)* Х-м-мм.

В. Мама говорила, каким должен быть тот, настоящий. Мы хорошо проводили время - танцевали, гуляли допоздна, любовались луной. И временами мы увлекались, снова и снова и это было замечательно. Хотя Сью, по-моему, не столь придавала этому значения. Мы увлекались, конечно, но ничего серьезного. Я все время держала ухо востро, и мы сделали дело. Мы получили работу, как манекенщицы, в самом модном магазине города.

Б. Я не хочу этого знать!

А. Да, ладно. Это было забавно.

В. Мы ходим на работу, надеваем эти замечательные платья и элегантно прогуливаемся по магазину *(изображает)* среди дам, совершающих покупки в сопровождении мужчин, а иногда без, и нас останавливают и щупают наши платья - шелк, материал - нам задают вопросы, потом мы переходим к другой группе, в другую секцию. Мы крутимся... порхаем.

Она изображает это. Б. Подражает. А. тоже, но сидя.

В. *(продолжает. К А. и Б.)* Мы такие!

А. Да, конечно.

Б. А мы не и спорим.

В. *(Опять к зрителям)* Не смотрите на них; не слушайте их.

А и Б немного посмеиваются.

В. *(продолжает)* Мы надеваем наши прекрасные вечерние платья и прогуливаемся, и мы знаем, что вокруг нас люди, которые смотрят, изучают нас, а мы улыбаемся, и мы... ну, хорошо, мы кокетничаем немного с этими мужчинами, которые, это... мужья или совсем даже нет.

Б. (*к А: будто удивляясь*) Кокетничаешь? Ты?

А. Я? Кокетничаю?

В. (*закружившись вихрем*) У-у-у-у-у!

А. (*аплодирует рукой о колено*) Bravo! Bravo!

Б. (Все еще кружась) И -и-и-и-и!

В. Остановитесь! Прочь из моей жизни!

Б. О! Моя дорогая!

А. (*к В*) Я это помню иначе, немного иначе. Я помню, что был план. Я помню, был определенный расчет.

Б. Да, некоторый расчет, маленький план.

В. (*к зрителям*) Не слушайте их? Расчет? О чем они говорят?

Б. (*весело*) Ни о чем.

В. (*зрителям*) Они не знают меня!

Б. (*глядя на А, насмешливо*) Не-е-ет!

В. Не помнят!

А. (*тоже насмешливо*) Не-е-е-ет!

В. закрывает руками уши, закрывает глаза.

А. (*продолжает*) Хорошо, моя дорогая. Продолжай.

В. не слышит.

А. (*повторя громче*) Я сказала, продолжай!

Б. (*громко*) Она сказала, продолжай! Только честно!

В. Я... хорошая.

Б. (*К А*) Ну, да. Думаю, что так.

А. И не глупая.

В. Я хорошая. Я знаю, как нравиться мужчинам. Я высокая. Я эффектная. Я знаю, как сражать наповал. Сю горбиться, и распускает живот. Я держусь ровно; грудь вперед, подбородок вверх, руки... вот так. Иду между по проходу, и они чувствуют меня, чувствуют, что что-то происходит. Но я хорошая. Я не девственница, но порядочная девушка. И мой первый парень тоже был порядочным.

В не обязательно слышит или замечает реплики.

Б. О. Да. Порядочный.

А. Да? Неужели?

Б. Вспомни.

А. (*смеется*) Это было так давно.

Б. Но ты должна вспомнить.

А. Да я помню. Он был...

В. ...сладкий и милый; нет, не милый, прекрасный. Он был прекрасным!

А. (*к Б*) Был, был.

Б. (*К А. и себе*) Да.

В. У него были иссиня-черные волосы и фиолетовые глаза, а какая улыбка!

А. Ах!

Б. Да!

В. Его тело было... ну, худым, но сильным; одни мускулы; он рассказывал мне, что умел фехтовать. Когда я держала его в танце, то чувствовала одни сухожилия и мускулы. Мы встречались часто. Я его очень любила. Я не рассказывала маме, но любила его очень. Я помню, как сказала: я люблю его, Сю. Я действительно его люблю. Ты рассказала маме? Нет и ты не говори. Я его люблю, но не знаю... А он? ну ты понимаешь. Нет, что ты. Он нет. Но потом оказалось, что он как раз да. Мы танцевали, медленный танец, вечер заканчивался, и мы танцевали так близко, прижавшись, и... нас прижало друг к другу..., и я почувствовала, что у него твердый, этот мускул, он прижался им ко мне в танце. Мы были одного роста, и он смотрел мне прямо в глаза, пока мы танцевали, медленно, и я почувствовала давление, и он напряг его, и я почувствовала это движение.

Б. (*мечтательно*) Что же это такое, - спросила я.

А. Хм-м-мм-м.

В. Что бы это могло быть, спросила я, хотя прекрасно понимала, что это.
Он улыбнулся, его глаза сияли.
- Просто, я люблю тебя, - сказал он.
-- Интересный же ты выбрал способ показать это.
-- Тот, что надо, - ответил он, и я почувствовала движение мускула снова, и... я поняла, что час пробил, я была готова, я поняла, что хочу его и, что там ни говорили, я хочу его, я этого хочу.

Б. (*вспоминая, соглашается*) Да, о, да.
А. Хм-м-мм.
В. Всегда держи себя в руках, - говорила мама. Это не игрушки.
Б. (*вспоминая*). Тебя перестанут уважать, и ты прослывешь испорченной. Кто тогда на тебе жениться?
А. (*к Б.*). Она так говорила? Что-то не припомню.
Б. (*смеется*) Помнишь, помнишь.
В. Тебя перестанут уважать из-за этого, и ты прослывешь испорченной. Кто потом на тебе жениться? Но он прижимался ко мне, как раз туда, куда стремился попасть - мы были одного роста - и он был так прекрасен, и глаза его сияли, и он улыбался мне и двигал бедрами в танце, медленно, в ритме, его дыхание на моей шее, он прошептал - ты же не хочешь, чтобы я опозорился прямо здесь, на танцполе?
Б. (*вспоминая*) Нет, нет, конечно же, нет.
В. Я ответила, - нет, нет; конечно, нет. Пойдем ко мне, - предложил он, и вдруг я слышу, как говорю (критично), - Я совсем не такая девушка? Дело в том, что как только я это произнесла, сразу покраснела: это было... так глупо, так... банально. Да нет, такая, - сказал он, - ты как раз такая.
Б. И это было правдой, боже, как это было прекрасно.
А. Грустно! (*небольшая пауза к Б.*) не так ли?
Б. Ну... немного.
В. Ты именно такая девочка и мне пришлось с этим согласиться. Мы проделали это много раз. (*Стыдливо*) Я знаю, это банально говорить, что твой первый раз был лучшим, но он был так прекрасен, я знаю, что мне только 26 сейчас и что будут другие, я понимаю, что выйду замуж и что буду очень счастлива...
Б. (*сдержанно*) Ну, да...
А. О счастье мы еще поговорим.
В. Я знаю, что буду очень счастлива, но неужели я не буду помнить о нем? Он был длинный и худой и знал, чего я хочу, что мне нужно, и при всем том, я не могла этого... Ну, вы понимаете; то, чего он хотел, я просто не могла, не могла и все.
Б. (*потягиваясь*). Да, ни разу.
А. (*как во сне*) Но почему?
В. (*с большим сожалением*) Я пыталась! Я хотела сделать то, что... но давилась и я... (*шепотом*) сдавалась. Я просто... не могла.
А. Не вороши это; что было, то было.
Б. К тому же... есть много способов снять кожу с котика.
А. (*Удивленно*) Как это?
Б. Хм-мм.
А. Как это есть много способов снять кожу с котика?
Б. Почему бы и нет?
А. Да, кому это нужно, разве одного не достаточно?
В. (*зрителям; просто, тихо*) Я только хочу, чтобы вы знали, что я хорошая, что я была хорошая.
Б. (*к В*) Ты встретишь его через два года.
В. (*в своих мыслях*) Что? Кого?
Б. (*с удовольствием*) Твоего мужа. Нам сколько, двадцать шесть? Мы встретим его через два года.
В. (*просветлев*) Мужчину из моих снов?
Б. Ну, мужчину, который, тебе будет сниться.
А. Долгое, долгое время.
В. Того мальчика, который...
А. Да, конечно, тот был прекрасен, но жизнь есть жизнь.

В. Как долго?

А. Хм.

А. Достаточно долго. (*К Б.*) Тебе... сколько?

Б. Пятьдесят два.

А. (*Подсчитывая.*) Я вышла замуж, когда мне было двадцать шесть. Тебе будет шестьдесят шесть, когда он умрет. (*К В.* *улыбаясь*) Мы имели его довольно долго.

Б. (*задумчиво*) Следующие 14 лет.

А. Да, но последние шесть были не слишком веселые.

В. Это почти сорок лет с одним мужчиной.

Б. Да, более ли менее, почти с одним. (*К А.*) Нет? Не слишком веселые?

А. Не слишком.

В. Какой он? Я его видела?

Б. Одноглазого? Коротышку. Одноглазого коротышку?

А. (*хихикает*) А, как же.

В. (*смущенно*) Что?

Б. Мы его встретили на вечеринке - Сью и я. Сью с ним общалась, а меня он не замечал.

А. (*с удовольствием вспоминая*) Да!

Б. Не думаю, чтобы Сью его хотела.

В. Более ли менее? Что это значит?

А. Хм-м?

Б. Прости?

В. Вы сказали почти сорок лет с одним мужчиной, более ли менее, более ли менее с одним мужчиной.

Б. О? А! Ну, а на что ты надеялась? Супружеская верность и все такое?

В. Да, если хотите знать, да!

Б. (*К А*) Как ты насчет верности?

А. (*будто сомневаясь*) Нет уж, уволь. (*С новой интонацией к Б.*) Ты можешь говорить об этом сколько хочешь, и за и против, но меня уволь.

Б. Измена- это состояние души - так ведь говорят? Помимо плохого тона, заразная болезнь все путающее в жизни, и заставляющая врать все время - врать и помнить это вранье! (*К А*) Ты помнишь свое вранье?

А. Хм-м-м-м-м-м. Этого было не много, не так много.

Б. Если не считать конюха, да?

А. О! Конюх!

В. Почему я вышла за него замуж?

Б. За кого? За конюха?

А и Б смеются.

В. За одноглазого! Я вышла за одноглазого!

Б. Да, вышла.

В. Почему?

Б. (*К В*) Почему я вышла за него? (*К А*) Почему же я за него вышла?

А. (*К Б.*) Почему?

Б. Хм-м-мм.

В. Расскажите мне.

Б. Потому, что он смешил меня. Потому, что он маленький и забавно выглядит - похож на пингвина.

А. (*Ей уже приходила эта мысль в голову.*) Да! Немного похож.

Б. (*добродушно*) Да... особенно в своем парадном костюме.

В. (*несколько панически*) Зачем же мне выходить за него замуж, если я готова изменять ему?

А. (*улыбается*) Почему вы поженились, если он готов был изменять тебе?

В. Я не знаю!

Б. Успокойсья, привыкнешь, приспособишья. Мужчины изменяет; мужчины часто изменяют. Мы изменяем реже, и мы изменяем, потому что мы одиноки; мужчины изменяют, потому что они мужчины.

А. Нет. Мы изменяем, потому что иногда нам скучно. Мы изменяем, чтобы вернуть, мы изменяем, потому что не можем придумать ничего лучше; мы изменяем, потому что мы шлюхи. Мы изменяем по множеству причин. Мужчины изменяют лишь по одной: они мужчины.

В. Расскажите мне о нем!

А. Не боишься сюрприза?

В. Нет!

Б. Ты видела его или он... видел тебя. Я не думаю, что вы знакомы. Он, что-то вроде, плейбоя - во всяком случае, в мое время, это так называли. Он богат - или его отец богат - и он развелся со своей первой женой, она все еще не пришла в себя, пьет ужасно, до сих пор.

А. В конце концов, она померла - что-то около восьмидесяти, пила, но выглядела прилично.

В. На кого он похож?

Б. *(нылко)* Ладно... он не высокий, у него один глаз, и он замечательно танцует - и если уж совсем быть точной, про глаз ты уже знаешь, - он поет, как соловей - очаровательный тенор, и он такой смешной! Боже, какой же он смешной!

А. Да, да, точно!

Б. *(с удовольствием)* И он любит высоких женщин!

А. Да, он любил.

В. *(сомневаясь)* Я его видела?

Б. Он говорил мне, насколько я помню, он говорил, что видел нас со Сью до их знакомства, что я была выше, чем он, - и прости мне эту подробность - он положил глаз на меня. *(КА)* Он тебе разве не говорил этого - что он положил на нас глаз?

А. *(искренно)* Не помню. Он тогда встречался с этой циркачкой, садившейся на шпагат, двухметровым бревном.

Б. Но ты довольно скоро положила этому конец.

А. Ты прибрала его к рукам, не так ли?

В. *(в недоумении)* Почему он нравился мне? Разве быть смешным достаточно? Разве иметь красивый голос и танцевать достаточно?

Б. Не забывай про один глаз.

А. О, он был прекрасен, мы его очень любили.

В. Любили? Очень любили?

Б. *(глядя прямо на В)* Прекрати! Тебе двадцать шесть, ты уже не ребенок, и у тебя уже было время разобраться...

А. ...и он богат, или будет богат, семья-то богатая.

В. Не верю.

А. *(резко)* Наш отец умер.

Б. *(об отце)* Его я любила.

В. Нет! Он не мог!

Б. Все умирают.

А. *(себе самой)* Кроме меня, наверное.

Б. *(КС)* Кроме нас.

В. Я люблю его!

Б. Да, но этого не достаточно, чтобы старое сердце продолжало биться, господи, она ведь любит меня, как же я могу оставить ее?

В. Это было... быстро?

А. *(печально)* Не помню.

Б. Нормально: сердечный удар, жидкость в легких, небольшая одышка;

О, господи, этот ужас в глазах!

В начинает плакать Б замечает.

Б. *(продолжает)* С нами это уже было. Мы плакали, когда он умер. Я плакала. Сью плакала. Мама вышла на террасу и плакала там.

А. *(потерянно)* Я не помню.

В. А что с мамой?

А. *(монотонно)* Как? Она стала мне врагом. Она умерла в восемьдесят четыре; Семнадцать лет жизни! она жила в отдельной комнате в нашем большом доме. Колит, сигареты, шесть или семь пекинесов - все при ней. Я разлюбила ее.

В. Я бы не разлюбила!

А. *(пожимает плечами)* Она мне стала врагом.

Б. *(заинтересованно, но не слишком)* Как это?

А. *(Вздыхнув)* Она приехала, чтобы обижаться на меня; она стала обижаться, на то, что стареет, становится... беспомощной - глаза, позвоночник, рассудок. Она стала обижаться на то, что у меня, на то, что у нас всего так много, и на то, что я такая щедрая. Она на все раздражалась; она встала на сторону Сью; она осуждала меня.

Б. *(с некоторым удивлением)* Она такой не была.

В. Нет! Она не могла!

А. Не все ли равно. Забудьте, что я сказала. Она все еще живет в деревне, в том же доме, ей сто тридцать семь лет, печет пироги и бегаёт по утрам трижды в неделю.

Б. Все так, все так.

А. *(к Б.)* Есть еще кое-что? Хочешь послушать?

Б. *качает головой.*

А. *(продолжает)* Ну, конечно, не хочешь.

В. *качает головой.*

А. Конечно, нет. Но, так или иначе, ты вышла за него.

В. Продолжай.

А. Да, он забавный и симпатичный.

Б. Он поет...

А. Он танцует.

Б. ...и он богат или станет богат...

А. ...и он любит высоких женщин.

Б. И ты внезапно осознаешь, что любишь невысоких мужчин.

А. Пингвинов.

А и Б смеются.

Б. *(все еще к В)* И все идет хорошо. Его мать не любит меня - тебя не любит - нисколько, но старик любит.

А. Безусловно! Ты высокая; готов поклясться, что ты замечательная.

Б. *(К В)* Ты его покорила. *(К А)* Тебе не кажется, что старый хрен хотел нас?

А. Думаю, что да.

Б. А как он мечтал о внуке!

А. О, это сделало его счастливым.

В. *(удивлена)* У меня есть дети?

Б. *(без удовольствия)* Один есть. У нас есть мальчик.

А. *(также)* Да, у меня есть сын.

Он появляется в арке, стоит неподвижно, глядя на А, лежащую в кровати.

Б. *(видит его, презрительно ухмыляется.)* Да, не думала увидеть тебя снова. *Внезапно с яростью.* Вон из моего дома! *(Он не реагирует.)*

В. *(встает.)* Остановитесь! *(двигается к нему)* Это... это он?

Б. Я сказал, вон из моего дома!

А. *(К Б.)* Тише- тише. *(К В.)* не мешай ему, он пришел повидаться со мной.

Он подходит к А, садиться на стул слева от нее, берет ее левую руку, его плечи вздрагивают; он прижимает свой лоб к ее руке, или прижимает ее руку к своему лбу, замирает. Не реагирует ни на что, до указания.

А. Так-то вот; исполняй свой долг.

В. Он такой, ...о, господи. Какой хороший, какой красивый, он очень...

Б. Ты бы не говорила так, если бы знала.

А. Ш-ш-ш-ш.

Б. *(к А)* Она бы не говорила! *(Ему)* Маленький лживый...!

А. Ш-ш-ш-ш-ш. Я не хочу думать об этом. Он вернулся; он никогда не любил нас, но вернулся. Оставь его в покое.

В. Он такой молодой.

А. Да... ну что ж. Сейчас он выглядит, как тогда, когда ушел прочь, взял чемодан, свою жизнь и пропал. *(к Б)* Не так?

Б. *(ему в спину, менее злобно, но с болью)* На тебе было это пальто, когда ты сбежал. Я же просила тебя подстричься!

А. Да, да; на нем было это пальто. Я уйду - сказал он и забрал один чемодан. *(Пауза)* И свою жизнь.

В. *(в недоумении)* Он ушел от меня? Почему?

Б. *(горько)* Возможно, ты изменилась. Говорят, что изменилась. Я не заметила. *(К А)* Он вернулся? Он вернулся ко мне - ко мне? И я ему позволила?

А. Конечно; у нас был сердечный приступ; ему сообщили, и он вернулся. Спустя двадцать лет? Довольно большой срок - для обеих сторон. Он не возвратился, когда умер его отец.

Б. *(едко)* Конечно же, нет!

А. Но ко мне вернулся. Мне позвонили и сообщили, что он едет повидаться со мной; говорили, что он собирался звонить. Он позвонил. Я услышала его голос, меня бросило в жар, но я сдержалась. Ну что ж, привет. Привет- привет, сказал он. И ни слова больше, как будто, так и надо. Ни слова о том, что соскучился, приврал бы, что ли. У меня была Сью, она лежала в усмерть пьяная, но сказала, что хочет подняться, а он даже не стал врать. Меня затрясло. Ну, что ж вставай. Он входит. Мы смотрим друг на друга, и оба делаем вид, будто расстались только вчера. Ты замечательно выглядишь, - говорит он; и ты тоже, - говорю я. И никаких извинений, раскаяния, слез, вздохов; сухие губы на моих сухих щеках; вот так. И мы больше не возвращались к этому. Не выясняли почему. Не обсуждали, как жили все это время. Мы стали чужими, мы были деликатны и не трогали это.

Б. Я никогда его не прошу.

А. *(Печально)* Я тоже. Но мы подыгрывали друг другу. Когда обедаем вместе - он ведет себя как с матерью, примерный сын. Но никаких воспоминаний. Иногда, он позволяет мне рассказывать о том, как он был маленьким мальчиком, но никогда не говорит сам на этот счет, кажется, что он вообще не очень-то хочет вспоминать что-либо общее, общее со мной.

Б. *(сквозь зубы)* Никогда!

А. *(к Б.)* Или с тобой. *(К В. печально)* И с тобой.

В. Мы что... выгнали его? Неужели я так изменилась?

Б. *(гневно)* Он сбежал!! Плюнул на все приличия и убежал! И я не желаю его видеть. *(К нему)* Пошел вон!!! *(Сердито. Презрительно. В слезах.)*

А. *(очень тихо, с печальной улыбкой)* Да нет же. Ты захочешь, вот увидишь. Ты захочешь увидеть его снова. Подожди лет двадцать. Побудь в одиночестве, когда только ее шаги стучат по лестнице, и на пианино фотографии в серебряных рамочках, да лакей внизу и... никого больше. Ты захочешь увидеть его снова, но обстоятельства не позволят. Мы никогда не простим его. Мы позволим ему прийти, но никогда не простим. *(К нему)* Уверена, что ты кое-чего не знаешь... или знаешь?

В. *(к А)* Я изменилась? *(к нему)* Я сильно изменилась?

Он гладит А по лицу.

Б. Не переживай. Он никогда не был твоим.

В. *(Яростно)* Я этому не верю!

А. *(Вздыхает)* О, боже.

В. *(пытаясь понять)* Я очень изменилась? Что со мной произошло?

Б. *(с сарказмом; к залу)* Она хочет знать, как она изменилась. Она хочет знать, как она превратилась в меня. Потом, она захочет узнать, как она превратилась в нее. *(Показывает на А)* О! Я тоже бы хотела это узнать, может быть, хотела.

А. Ха-ха.

Б. Ну что ж. *(К В)* Ты хочешь знать, как я изменилась?

В. *(самой себе)* Я не знаю. Хочу ли я?

Б. От двадцати шести к пятидесяти двум? В два раза? В двое больше удовольствий, вдвое больше радости? Проверь. Проверь на себе. Они же лгут тебе. Ты взрослеешь, и они ослабляют напор, уворачиваются, юлят- лгут. Но никогда не скажут, как это происходит на самом деле - как это случается - а ведь и пол правды и то было бы хорошо. Ничего кроме блестящих перспектив,

светлого будущего. Господи, если бы они сказали, улицы были бы усыпаны трупами подростков! Может быть и лучше, что они молчат!

А. *(с легкой насмешкой)* Они? Они?

Б. Родители, учителя, и все прочие. Вы врете нам. Вы не говорите нам, как все меняется - что у Прекрасного принца мораль вонючей крысы, что тебе придется жить с этим... и любить это, или делать вид, что любишь. Затаскивают горничных в клозет, кухарок в подвал, и бог знает, что творится в их мужских клубах! Возможно, они приколачивают шлюх к бильярдным столам, чтобы удовлетворить себя. Никто не расскажет тебе об этом.

А. *(Нажимая на это)* Бедная, ты бедная.

В. В подвал?

Б. *(к А и В)* Все втихую. Не удивительно, что однажды мы возвращаемся с верховой прогулки, лошади взмылены, фыркают, и он берет поводья, этот конюх, помогает слезть вам с лошади, этот конюх, его рука касается вашего бедра, и вы отмечаете это, и вы вспоминаете, тот день, когда видели его прежде, обнаженного по пояс; с соломой в руках, эти руки, эта сигарета. И не удивительно, что мы улыбаемся такой улыбкой, что он быстро все понимает, не удивительно, что он ведет нас в дальнее стойло - в это долбаное сено, Господи, прости! - и мы падаем, все это из-за мести и жалости к себе, до тех пор, пока не чувствуем, что делаем это ради удовольствия, ради собственного удовольствия, мы истекаем потом, а он покрывает нас так, как мы видели это только в порнографических фильмах, мы по-настоящему кричим, а потом мы лежим здесь в соломе - на которой возможно и дерьмо - остывшая, и он говорит, что очень хотел этого, что любит больших женщин, но не смел надеяться, и что не уволят ли его теперь? И я говорю, нет-нет, конечно, не уволят, и не увольняю целый месяц после этого, но потом увольняю, я увольняю его, не потому, что это опасно, а потому, что много хорошего было в нашем союзе с пингином, долгий союз, несмотря на все его дерьмо, и потому, что лучше перышки держать чистыми - или прилизанными, хотя бы - ради настоящих сражений - из-за других женщин пингвина, других настоящих - матери, которая действительно не любит тебя без всякой на то причины, за исключением того, что дочь ее тебя ненавидит - боится и поэтому ненавидит тебя - коренастая, тупая, ноющая сучка. Ненавидит тебя, может быть и потому, что чувствует, что старик положил глаз на тебя, да еще и потому, что не может быть хорошей девушки для пингвина, для ее пингвина; первые две были уж точно не хороши, и эта, похоже, такая же. Стараешься отыскать что-нибудь хорошее в этой совершенно несчастной семье, становишься на сторону своего мужа, когда он не может постоять за себя, следишь за всеми интригами, начинаешь действительно беспокоиться за свою сестру, которая совсем плюнула на саму себя - на все на свете; наблюдаешь, как твоя мать начинает меняться намного больше, чем ты ожидала, а потом попробуй, вырастить еще и это! *(указывает на него)* Вот это!! - вылетает из всех школ, какие только может найти, и даже из тех двух-трех, куда мы его даже не посылали, чувствовать, что он тебя ненавидит, заставить его за это делом с племянницей мужа, а потом и с племянником, на той же самой неделе!! Начинаешь читать письма, которые он получает - как это называется - от старших товарищей, рассказывающих ему, как обмануть вас, как уцелеть в этой ужасной семье; начинаешь говорить ему, что вышибешь ему мозги этой долбанной хрустальной пепельницей, если он не прекратит получать эти письма, не прекратит отвечать, не прекратит... ну, просто... не прекратит. И он кивает и очень спокойно говорит, что может засадить меня в тюрьму за вскрытие его почты. Но только после совершеннолетия, говорю я ему; подожди немного, говорю, немного подожди. Ты будешь лететь из этого дома так быстро, что у тебя закружится голова. Ты хочешь уволить меня, говорит он, спокойно, улыбаясь; ты собираешься уволить меня тоже? Так же, как уволила его? Он же хорош в постели, разве нет? Хотя, ты в этом ничего не понимаешь. Он встает, подходит ко мне, прикасается к моим волосам. Мне показалось, что я увидел соломку, - говорит он, - извини. И уходит с террасы, уходит из дома, из наших жизней. Он не говорит до свидания, никому из нас. Он говорит до свидания бабушке, там наверху, еще он говорит до свидания пекинесам, как мне кажется. Он укладывает один чемодан и уходит. *(Пауза; к нему; яростно)* Вон из моего дома!! *(Пауза; к В)* Теперь тебе стало немного понятней, почему ты изменилась? Ты узнала то, что хотела?

В. *(Пауза, мягко)* Да. Спасибо.

Молчание.

А. *(удивленно)* Ты хочешь еще?

В. Не хочу, спасибо.

Б. Я бы так не сказала.

А. Да, ты хочешь, ты хочешь еще.

В. (*стараясь оставаться вежливой*) Я же сказала, спасибо, нет.

А. А с тебя, как с гуся вода. (*Указывает на Б*) Как ты превратилась в нее, это одно дело, но то, как в меня - совсем другое. А как тебе (*указывает на А*) вот это?

В. Это моя вина.

А. Что ж, возможно

Б. Мне самой много не понятно в этом переходе.

А. Да что ты?

Б. Да, а что. У меня было все не так плохо. Конечно, много дерьма, но много и хорошего, даже замечательного.

А. (*Как это ни странно, но весело*) При всем при том, были и хорошие времена. Например, когда мы сломали себе спину. (*К В.*) Ты ломаешь себе спину.

Б. (*посмеиваясь*) Да, это точно.

В. (*немного испуганно*) Я?

Б. Хрясь!

А. (*улыбается*) Ну, совсем не так. Хрясь! Вот как!

Б. Я это хорошо помню, ведь это было десять лет назад...

А. Мы ездили верхом, а потом эти скачки. Мы никогда не любили ни скачки, ни охоту. Просто покататься в седле - да, но не охотиться. Грубые животные, каждая из них, грубые и истеричные, но в тот день охотники развлекали каких-то болванов. Было свежо, горелые листья кружили в воздухе, этот запах, дым стелился по земле, внизу все зеленое и желтое. (*К Б*) Мы не любили эту лошадь, не так ли?

Б. Не любили.

А. Да, я не любила ее. Она была истеричной и грубой.

В. Когда я научилась держаться в седле? Я имею в виду в настоящем ездить на лошади?

Б. Это пришло с замужеством.

А. Да, я не верила ей; до падения, я уже ездила на ней; она была глупой и вздорной; шарахалась от каждой тени. (*К В*) Я сказала ему, - Я остаюсь, езжай сам.

Б. Да.

А. Но он так надулся в ответ, что... ладно: мы поехали в лес; зелень, золото, туман... по колено. Глупое тупое животное! Она не увидела изгородь в этом тумане? Мчалась слишком быстро и врезалась в нее? Ну, мы и грохнулись!

Б. Грохнулись.

В. О, нет!

А. Могла бы и шею сломать. Повезло.

Б. Да, вот так-то.

А. Мы никогда больше не ездили на охоту, не так ли?

Б. Никогда.

А. Проклятая скотина весила тонну. И знаешь, о чем я думала больше всего?

Б. (*вспоминая*) С кем он сейчас, кого он сейчас скручивает в углу, в каком чулане, в кого он запикивает свой маленький член.

А. Что он может бросить нас, что может найти какую-нибудь не поломанную.

В. (*возмущенно*) Что же это за человек?

А. Просто мужчина.

Б. Просто мужчина.

В. И это то самое счастливое время, о котором ты говорила?

Б. Ну, конечно, ведь мы доказали, что чего-то стоим. (*К А*) Да?

А. (*к Б*) Конечно. (*К В*) Все падают. Когда ты падаешь, - встаешь ты или нет - когда ты падаешь - все это видят, все понимают, что тебя можно столкнуть. Из фарфора ли ты и разлетаешься на кусочки или ты из бронзы и только звенишь от удара - не важно. Сам факт важен.

Б. (*К В*) Перевести?

В. Спасибо.

А. *(с доброй улыбкой)* Спасибо тебе.

Б. Перевести... ты стараешься улучшить мир, заштопать в нем все дыры, всем помочь - и они тебе благодарны- с натяжкой, но признательны - но когда ты упала сама, доказав, что не намного лучше их, как они думали, они и дальше разрешат тебе спасти мир и тому подобное, но уже не будут так ненавидеть тебя... потому что ты не безупречна.

А. *(очень светло)* Все к лучшему. Только к лучшему. Разве не стало от этого лучше? Он не оставил нас ради кого-нибудь еще, был нежен и подарил тебе кольцо с большим бриллиантом, и ты не должна была больше охотиться. Разве не счастливое настало время?

В. И я не пристрелила этого жеребца?

Б. *(Смеется)* Что, простите?

А. О-о-о-о-о! Мне это никогда не приходило в голову.

А и Б смеются вместе.

В. *(сквозь зубы, уверенно)* Я никогда ни стану тобой - и тобой тоже.

Б. *(смотрит на В)* О, прекрати! *(к А)* А то грандиозное кольцо- с большим бриллиантом? Ты его уже больше не носишь?

А. *(внезапно спокойно)* Нету.

Б. *(тоже спокойно)* Да?

А. Я продала его.

Б. Да?

А. *(с некоторой горечью)* Я все продала. Ну, если не все... то большую часть. Разве деньги по-прежнему не в ходу? Деньги нужны всегда. У меня нет денег. У меня есть деньги, но я проедаю их... каждый год; с каждым годом их все меньше...

Б. Мы должны ограничивать себя, мы должны...

А. Не говори мне об ограничениях! Все в прошлом! Все обман! Те драгоценности, что хранятся в сейфе, в банке? Все фальшивые!

В. Почему тогда, почему мы беспокоимся о них?

А. *(свысока)* Хм!

Б. *(к А. Потом к В)* Потому что мы достаем и надеваем их? Потому что фальшивки выглядят так же хорошо, как и настоящие, даже на ощупь, и кому какое дело? *(только к А)* не так ли?

В. Приличия ради?

Б. Приличия? Какого такого приличия?

В. Я имею в виду, кого же мы тогда хотим удивить?

А. Самих себя. Еще поймешь. Мне дарят большой бриллиант. Когда мы его покупали - когда продавец вынес эту вещь, он сказал...

Б. Это великолепный камень. Лучшего я не видел... Если Вы захотите его продать, принесите его назад ко мне, и я заплачу за него больше, чем Вы платите сейчас. Он похлопал меня по руке. Хлоп-хлоп.

А. Хлоп-хлоп. Вот я и принесла его обратно - после его смерти, после рака и прочего, после всего этого. Они осмотрели его; они сказали, что он дал глубокие трещины, или помутнел... что-то такое.

Б. Сукины дети!

А. Они предложили мне треть от того, что мы за него заплатили раньше, а доллар ведь сейчас стоит в половину меньше, чем тогда.

В. *(к А)* И вы не выставили иск? *(к Б)* Я имею в виду, что-то мы могли сделать? Мы же не можем просто...

А. *(покорно)* Что ты можешь сделать? Тут уж ничего не поделаешь. Ты можешь только продолжать... объедать себя. Голодающие принимают поглотить самих себя. Здесь деньги-инвестиции здесь, но их все меньше, с каждым годом; так ты сам себя и съедаешь. Все, на что ты рассчитывал, исчезает, что дальше?

Б. Большой бриллиант, да?

А. Большой бриллиант... и почти все другие. Какая разница? Все это мишура.

В. *(протестует)* Нет! Дело не только в этом! Это реальное доказательство..., что мы состоятельны... *(смущенно)* что мы чего-то стоим.

А. *(пожимая плечами)* Ладно, что было, то было; блеск закончился.

Б. *(горько)* Плюх. *(Машет рукой)* Прощай.

В. Есть еще сюрпризы?

А. О, моя дорогая, наберись терпения. (*Смотрит на А*) Она прячет деньги. Все, что получила за драгоценности, она держит наличными и тратит понемножку, когда нужно. Их много; она не сможет их все потратить - чтобы никто не узнал про это. Так я думаю. Она прячет их, и потом, в конечном счете, не может вспомнить, где они, и не может найти их... никак. И сказать некому.

Молчание.

Б. А рак это плохо?

А. А когда это было хорошо?

В. Насколько плохо?

А. (*передразнивая*) Поменяй мне; поменяй мне! (*к В*) Довольно ужасно! (*К Б. Мягче*) Шесть лет; я тебе уже говорила это; с того времени, как он узнал об этом, прошло шесть лет - с тех пор, как ему сказали, что у него это - до того как его не стало. Простата - потом перешло на мочевой пузырь, потом в кости, пошло в мозг, и в печень, конечно, повсюду - древние про это знали. Сначала все хорошо, ну кроме депрессии, и страха - сначала все хорошо, но потом приходит боль, медленно, нарастая, и он кричит в ванной и я бегу туда; думаю, что увижу его лежащим на полу, но нет, он стоит над унитазом, и его лицо искажено ужасом, и он показывает на унитаз, и я смотрю, и там все розовое, это кровь шла вместе с мочой. Потом стало хуже; розовое стало красным, потом кровь в кровати ночью, когда я лежала рядом, обнимая его; а потом ... нет! Почему я должна продолжать? (*К В. злобно*) Это ужасно! Все равно ты не сможешь подготовить себя!! Ты мне не нравишься; ты этого достойна!

В. (*мягко*) Спасибо.

А. Пожалуйста.

В. Я не люблю вас обеих.

Б. (*пауза*) Так и живем.

Пауза. А направляется к кровати, садиться на нее, напротив него. А говорит прямо ему, теперь он слышит ее, отвечает.

А. У меня было видение. Я знаю, ты скажешь, что этого не бывает, но у меня это было. Я чувствовала, что умерла.

Он поднимает руку.

А. (*Продолжает*) Не перебивай! Ты и не думал, что я умираю - подожди! Теперь просто послушай! Я ведь умерла, как ты видишь, и когда это случилось - когда я умирала - я была совсем одна - ни одного человека со мной в этой комнате - больничной палате: меня бросили в этой больнице. (*Внезапно плачет*) Почему ты не забрал меня отсюда? Почему ты оставил меня в этой...

Он хочет прикоснуться к ней, чтобы успокоить.

А. (*Продолжает*) Не трогай меня! Я была здесь... и я была в коме, приходила в сознание и теряла его. Иногда я просыпалась и не могла понять кто я и где я, и кто все эти люди, что смотрят на меня? Иногда, я пыталась проснуться... но не могла, вернее, просыпалась на половину, но не до конца. Ты приносил мне цветы, ты приносил фрезии. Ты знаешь, что я люблю фрезии. Поэтому ты приносил их мне, потому что я люблю их! Почему ты это делал? Ты ведь ненавидишь меня: почему ты это делал? Зачем ты это делал? Тебе было что-то нужно. Подожди и все. Ты получишь все, что тебе причитается. В том моем вещем сне, я понимала, что умерла, но это уже не имело значения, я была абсолютно одна. Не было никого рядом со мной, и я была мертвой. Никого! Только шофер и служанка. Я была здесь уже около часа и была мертвой, и потом пришел ты, и у тебя были твои цветы, эти фрезии. Ты вошел в комнату, и они были здесь, и я была мертвой, и ты остановился на пороге комнаты, и ты все сразу понял, и ты остановился и ты... подумал! (*с ненавистью*) Я видела, что ты подумал! Твое лицо не изменилось. (*Грустно*) Почему же у тебя ничего не дрогнуло? И вот ты стоишь здесь и думаешь, наконец, решаешься,ходишь к кровати, прикасаешься к моей руке, становишься на колени, и целуешь меня в лоб... для них! Они находятся здесь, и они смотрят, и ты целуешь меня для них! Потом ты встаешь, все еще держа меня за руку, как будто... зачем? Ты ведь не знаешь зачем? Ты держишь мою руку, а моя рука холодная, да? Моя рука была уже холодная, не так ли? (*Пауза*) Да или нет?

Он смотрит еще раз на нее, плечи вздрагивают, он плачет, опять глядит на А. А отходит от кровати.

Б. Такие дела.

В. (*медленно, но с большим чувством, беззлобно*) Я...не стану... тобой. Не стану. Я не признаю тебя.

А. *(с удовольствием)* О? Да? Ты не признаешь? *(Обеим)* Да? Вы все меня не признаете? *(К В)* Ты отрекаешься от меня? *(К Б)* Ты, я думаю, тоже

Б. Опускает глаза.

А. *(продолжает)* Да, конечно. *(К нему)* И ты, конечно, от меня отрекаешься.

Он смотрит на нее.

А. *(Продолжает; невозмутимо)* Ну и хорошо. Я отвергаю тебя тоже. Я вас всех отвергаю. *(К В)* Не признаю тебя *(К Б)* Не признаю тебя. *(К нему)* и, конечно же, не признаю тебя. *(Спокойно)* Итак, я здесь, и я ото всех вас отрекаюсь; от каждого из вас.

В. Только и всего? А как же счастливое время... счастливейшие мгновения? У меня же их еще не было, не так ли? Все кончено в двадцать шесть лет? Не могу себе этого представить. Кое что было, конечно, те мгновения, которые покажутся мне счастливейшими даже тогда, когда я подойду к той черте, что уже не буду смотреть в прошлое с ощущением собственного ничтожества, хотя бог знает, когда это будет - не чувствовать свое ничтожество - если это вообще когда-нибудь будет. Конфирмация, например, какое прекрасное время: белое платье, пошитое мамой, Сью страшно взволнована и ревнует- вертится вокруг меня, дуясь одновременно. Но даже сейчас, понимаете, когда я вспоминаю, то, что я вспоминаю, не имеет ничего общего с тем, что я чувствовала тогда. Говорят, страдания забываются. А что если забывается и счастье ...так же, как забываются и страдания? Может, все, что мы можем помнить - это лишь воспоминания о наших воспоминаниях? Я знаю свое лучшее время - что это было? счастье? - счастливой я еще не была. Все еще впереди. Разве нет? Неужели? А... а когда придут несчастья, когда придут потери и разочарования, неужели это все не должно быть уравновешено? Неужели? Я не наивная, но должно же быть много и счастья в жизни. Разве не так? Неужели всегда все только впереди? Разве я не права? Я имею в виду чувствовать себя счастливой? Такого не бывает? Неужели?

Б. подходит к В, оставляя центр сцены для А. Б. кивает В, беззлобно.

Б. Глупая, глупая девочка, глупышка моя. Счастливейшее время? Ну... ну... всегда. Вот сейчас, например, счастливейшее время: половина пройдена, остальное впереди. Достаточно взрослая, чтобы, наконец, поумнеть, раньше ведь была полной дурой. *(К В.)* Не обижайся.

В. *(глядя в пространство, с легкой усмешкой)* Никто и не обиделся.

Б. Достаточно уже дерьма пройдено, чтобы учуять то, что впереди, и не сидеть, по уши в нем, как раньше. Должно быть это счастливейшее время - во всяком случае, теоретически. Все в тебе разрушается, конечно - и твое дело следить за этим. Земля может уйти из-под твоих ног - твоих замечательных длинных ног - и ты плюхнешься на свою задницу, развалишься по частям и начнешь загнивать, прежде чем поймешь это, прежде чем поймешь, что это то и было счастливейшее время. Но я могу жить с этим. Да, страшно, но мне очень нравится это время - потому что пятьдесят - это пик, вершина горы.

В. *(в сторону)* Пятьдесят два.

Б. Да, я знаю. Спасибо. Что мне нравится больше всего в этом времени, так это то, что уже через многое мне не надо проходить, многое меня уже не так волнует, как раньше, во всяком случае. Открывается вид на все стороны, на старость; странное, но по настоящему интересное время! Стоять здесь на середине и есть счастливейшее время. Я имею ввиду, что это - единственное время, когда у тебя вид вокруг на триста шестьдесят градусов - ты смотришь во все сторону. О! Какой же тут вид!

А. *(Качает головой, хихикает к Б. и В.)* Вы прямо, как дети. Самый счастливый момент? На самом деле? Счастливейший момент? *(Теперь к зрителям)* Приближение к финалу, я думаю; когда все волны глубочайших страданий стихают, оставляя благоуханный покой, приходит время сосредоточиться на самой большой беде - и тут все освещается - тем, что это конец. Пройти до конца и выйти, не уйти совсем, конечно, но как бы... стать рядом. Не та чепуха о втором рождении, а просто возможность говорить о себе в третьем лице в здравом рассудке. Я проснулась утром и подумала, хорошо, теперь она проснулась и собирается понять, что у нее работает - глаза, например. Она может видеть? Может? Ну, что ж, хорошо. Это уже много. Потом она проверяет остальное оборудование - суставы, то, что во рту, а теперь собирается пописать. Что она собирается делать? Добраться до ходунков. Проползти от стула к стулу, опираясь на палку. Собирается ли он позвать кого-нибудь - хоть кого-то, но приходит мысль о том, что здесь никого нет, и она не произносит ни звука, думая, что уже умерла, и никто этого не заметил. Я могу. Я могу вот так глядеть на себя, со

стороны. Так вот, что они имели в виду, когда говорили, что я вне себя? Не думаю. Я думаю, что они говорили совсем о другом. Есть разница между пониманием, что умираешь и пониманием, что умираешь. Второе лучше. Это уже не теория. Я брежу, не так ли?

Б. Немного.

А. *(К Б)* Да, но нам уже девяносто или точнее столько, сколько мне сейчас; Ну так, дайте же девочке отдохнуть! *(Опять к зрителям)* Иногда, когда я просыпаюсь и начинаю вот так о себе думать - как бы, глядя со стороны - у меня ощущение, что я умерла, но, в тоже время, продолжаю жить, и мне интересно кто же это умер - я или та, о которой я думаю. Все страшно запутано. Я брежу. *(Она останавливает жестом Б)* Да; Знаю! *(зрителям)* Я говорила ...вот о чем: о приближении конца, да. Итак, ты спрашивала. Вот самый счастливый момент. *(А смотрит на В и Б, протягивает им руку, берет их за руки)* Когда все сделано. Когда мы остановились. Когда мы можем остановиться.

Финал

*Роман Михайлович Мархолия. 193231 Россия, Санкт-Петербург, Товарищеский проспект, д. 9, кв. 67.
Тел. (812) 580 67 51. / Москва. Тел. (095) 367 58 95.*